

295926

КАБАРДИНСКИЙ ОБКОМ ВКП(б)
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ

**ЗВЕРСТВА
НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ
В КАБАРДЕ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАССР
НАЛЬЧИК—1945

Цена 2 руб. 50 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00359985

9

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

- 1) 32/351
- 2) 9(C) 1941-1945
- 3) 9 (с. 16)

Замеченная опечатка:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
10	20 сверху	уничтожено около полумиллиона томов	уничтожено около 400.000 книг

Зверства немецких оккупантов в Кабарде.

КАБАРДИНСКИЙ ОБКОМ ВКП (б)
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ В КАБАРДЕ

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
№ 295926

РОЗДІЛ
ІІІ
ІІІІ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАССР
НАЛЬЧИК—1945

П. ОБ. РЕНО
ИИВ 1948 г.

64
59.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документы, представленные в настоящем сборнике, большей частью опубликованы в газетах, некоторые же из них печатаются впервые.

В сборнике имеются материалы, рассказывающие о зверствах немцев в период частичной оккупации Кабардинской республики. К этим материалам относятся статьи тт. Евгажукова, Кабалоева и Цавкилова о зверствах гитлеровцев в Ново-Ивановке и в селах Баксанского района, — документы, относящиеся к периоду лета и осени 1942 года.

Большая же часть материалов, составивших данный сборник, в виде статей, рассказов и актов о зверствах немцев в различных районах республики, была опубликована в газете „Кабардинская Правда“ в 1943 — 1944 годах, т. е. после освобождения республики от немецких захватчиков.

Конечно, не все документы и факты о зверствах немцев в Кабарде собраны в этом сборнике. Предстоит еще большая работа по сбору и систематизации всех материалов, показывающих немцев-оккупантов и их холоуев — буржуазных националистов во всей их отвратительной нагоде.

Но и то, что напечатано в настоящем сборнике, достаточно ярко характеризует истинное лицо гитлеровцев, этих гнусных палачей и насильников, навсегда заклейменных презрением, ненавистью и проклятием всех советских людей.

Эта брошюра-сборник выходит в свет в дни, когда гитлеровская Германия раздавлена беспримерным мужеством Красной Армии и всего советского народа. Но торжествуя победу, советские люди никогда не забудут о подлых деяниях немецких оккупантов и еще сильнее будут беречь и любить свою свободу, независимость своей Родины, укреплять ее могущество, еще зорче и сильнее оберегать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Гитлеровские же негодяи, издевавшиеся над нашими людьми, разрушавшие наши города и села, принесшие столько страданий и горя советскому народу, будут сурово наказаны.

Сборник, рассчитанный на массового читателя, принесет большую пользу пропагандистам, агитаторам и докладчикам.

К. ЦАВКИЛОВ.

Выписка из протокола № 12

заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР от 8 сентября 1943 года

Об итогах ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Кабардинской АССР:

„Чрезвычайная Государственная Комиссия устанавливает, что в период временной оккупации Кабардинской АССР немецко-фашистские захватчики причинили гражданам, колхозам, государственным предприятиям, общественным организациям и учреждениям ущерб, выражающийся в сумме 2.268.361.863 руб., в том числе ущерб колхозам республики в сумме 1.428.110.600 руб., промышленным предприятиям, общественным организациям и учреждениям в сумме 193.569.154 руб., гражданам в сумме 646.682.109 руб.; убили и замучили 4.241 советского гражданина, из них: 2.188 мирных граждан — мужчин, женщин и детей и 2.053 советских военнопленных; разграбили и уничтожили принадлежащих гражданам 190.657 кубических метров зданий, 29.646,5 кубических метра надворных построек, 4.411 голов крупного рогатого скота, 2.941 голову молодняка крупного рогатого скота, 2.530 свиней, 11.566 коз и овец, 242.576 голов домашней птицы, 1.062 пчелосемьи, 4.569 фруктовых древонасаждений, 41.465 центнеров зерна,

6.119,9 центнера муки, 21.912,3 центнера картофеля и других овощей, 7.938,24 центнера прочих продуктов, 313 штук ценных золотых, серебряных вещей.

Чрезвычайная Государственная Комиссия устанавливает, что ответственными за совершенные злодеяния над советскими гражданами и военнопленными, за разрушение и уничтожение имущества колхозов, государственных предприятий, общественных организаций и учреждений Кабардинской АССР наряду с немецко-фашистским правительством являются руководители и исполнители злодеяний и грабежей — офицеры и солдаты 605, 625, 820, 216 немецких дивизий; офицеры и солдаты 54 и 2 румынских альпийских горно-стрелковых дивизий под руководством офицеров Бризьяна и Мовила; офицеры и солдаты строительного батальона (панцyrной дивизии) под руководством обер-лейтенанта Шнейдера; офицеры и солдаты авиационной части под руководством Коха — начальника строительства аэродрома; комендант города Нальчика майор Маннэ; начальник команды СД-10 майор Шифман; начальник жандармерии (ГПФ) обер-лейтенант Шепс; заместители шефа гестапо по г. Нальчику обер-лейтенанты Геринг и Бук; начальник отделения гестапо гор. Прохладного капитан Шульц; начальник штаба гестапо в сел. Плановском, Терского района, Гук; начальник команды СД-12 капитан Винц; комендант по сельскому хозяйству Песлер; комендант сел. Куба Ююбе Альфред; военный комендант сел. Кызбурун I Мецко; военный комендант сел. Кызбурун II Майер; начальник сельскохозяйственной комендатуры Гроссман; начальник инженерно-строительного батальона Гауптман; обер-фельдфебель Лейман Вильгельм; ефрейтор Гиль; офицеры промышленного отдела „Викадо“ Фейлар, Шуман, Адемир“.

„Новый порядок“ немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации Кабардинской АССР

Прошлое Кабарды знает немало лишений и жертв, принесенных в межнациональных войнах, в неравной борьбе с различными врагами свободы кабардинского народа.

Однако непродолжительный период хозяйничания гитлеровцев нельзя сравнить с самыми трагическими страницами истории нашего народа.

Летом 1942 года, когда превосходящие силы врага вторглись на территорию республики, немецко-фашистские захватчики всячески старались скрыть от народа свои действительные империалистические планы на Кавказе.

Гитлеровцы нагло рекламировали себя покровителями кавказских народов, защитниками мусульман. Они уверяли о якобы особом, гуманном отношении к кавказской женщине. Палачи свободы и независимости смели называть себя „самоопределятелями“, торжественно обещали сохранить суверенные права кавказских народов.

Однако советские люди хорошо знали цену обычной лжи гитлеровско-геббельсовских мошенников. Эта ложь стала еще более очевидной с первых дней оккупации немецко-румынскими войсками территории республики.

Немецкие оккупанты установили террористическую фашистскую диктатуру, ликвидировали политические права нашего народа, его завоевания в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Гитлеровцы ликвидировали все органы власти (на местах и в центре), образованные согласно с волей народа, упразднили и ликвидировали политические, государственные, общественные организации, созданные трудящимися

при советской власти и стоявшие на страже интересов народных масс. Они установили унижительный режим, при котором дикий каприз последнего низкопробного „арийца“ считался высшим законом.

Полноправными вершителями хозяйственной и политической жизни республики являлись только немецкие коменданты, ортскоменданты и уполномоченные.

Они диктовали свою волю и волю своих берлинских хозяев, бесконтрольно, варварски эксплуатировали и расхищали культурное и материальное достояние, созданное усилиями многих поколений нашего народа.

Фашистские оккупанты не признавали никаких прав советских людей, кроме права — быть рабами немецких господ.

Гитлер не раз повторял: „... я никогда не признаю за другими народами равенства в правах с германским народом. Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ“.

Именно эти указания выполняли немецкие солдаты и офицеры.

Правда, немцы пытались создать видимость самоуправления, введя институты так называемых шефов, старост, бургомистров и т. д.

Здесь интересно отметить, кто были эти „представители местной власти“, каковы были их функции и права. Подонки общества, уголовные преступники составляли кадры немецких „выдвиженцев“.

Известно, например, что немцы провозгласили бургомистром города Нальчика некоего Дейнеко. Дейнеко был судим за изнасилование. Коллектив советского учреждения питал к нему законное отвращение. Грязный, аморальный человек — ему не было места в коллективе советских людей. Но немцам он пришелся по душе. Как говорят — рыбака рыбака видит издалека. Насильник-пройдоха стал бургомистром города. Однако немцам показалось это недостаточным. Чтобы полностью вознаградить Дейнеко по „заслугам“, немецкие специалисты по „эрзацам“ присвоили ему... ученое звание профессора.

Чем же занимался „ученый“ бургомистр? Он предавал коммунистов и честных советских граждан. Холопствуя перед оккупантами, он помогал им истреблять советских людей. Государственная же „деятельность“ его ограничи-

валась тем, что он подписывал множество приказов, продиктованных немцами.

Гитлеровцы готовили для народов Кабардинской республики ярмо помещиков и дворян, белогвардейцев и кулаков.

Немецкие империалисты еще в годы гражданской войны активно поддерживали дворянско-помещичью националистическую контрреволюцию. Они вдохновляли и активно помогали кровавым душителям свободы и независимости нашего народа — вооруженным бандам Заурбека Серебрякова.

С помощью великого русского народа, под руководством большевиков трудящиеся Северного Кавказа разгромили и похоронили тогда местную буржуазно-националистическую контрреволюцию и ее иностранных вдохновителей.

Но, как видно, немцы на этом не успокоились. Два десятка лет спустя они взялись за раскопки и вытащили на свет несколько экземпляров дворянско-помещичьих уродливых мертвецов.

Стоило только появиться немцам, как появились новые „правители“ Кабарды — князья Келеметов и Тавкешев, уздени — кулаки и белоэмигранты, предатели и жулики — разные Шадовы, Махцевы и Хаупшевы.

Это был подлинный сброд, объединенный буржуазно-националистической идеологией, звериной ненавистью к советскому народу.

И этот сброд в насмешку над народом немцы называли „представительством интересов Кабарды“ (а правильно было бы назвать „представительством интересов Германии в Кабарде“).

Чем же занимались эти „представители“, каковы были их функции и права?

Они были послушным орудием в руках немецких убийц и грабителей. Они выполняли приказы немецкого командования об ограблении советского населения, они активно помогали немецким захватчикам истреблять советских людей. Они вели активную буржуазно-националистическую пропаганду.

Так выглядели с самого начала немецкий „новый“ порядок и „самоуправление“ в Кабарде.

6 декабря 1942 года немецкое командование опубликовало новый порядок землепользования в Кабарде. Инструкция о „новом порядке землепользования“ предлагала ликвидацию социалистической собственности на землю, средства и орудия производства.

Инструкция разоблачает немецко-фашистских захватчиков, как реставраторов помещичье-буржуазной собственности.

Вот что мы в ней находим:

„Каждый местный земледелец, который по своему поведению окажется достойным, может получить землю.

... бывшие помещики и кулаки, происходящие из данной местности, пользуются всеми правами...“

Комментарии излишни. Мы хорошо знаем, о каком „достойном поведении“ здесь идет речь и какими правами немцы готовились наделить бывших помещиков и кулаков.

Немецким солдатам и офицерам нужны были богатые помещичьи владения и трудолюбивые крепостные крестьяне. Им это обещали Гитлер и его министры.

„Без создания, — говорил один из гитлеровских бандитов Дарре, — определенной формы современной крепостной зависимости или даже рабства, развитие человеческой культуры невозможно... У немецкой аристократии будут свои крепостные: местные жители. Немцы привыкли повелевать... Так будет создан новый немецкий народ-господин“.

Каждому, даже гитлеровским дуракам, понятно, что советские колхозы, социалистическую собственность на землю, фабрики и заводы нельзя совместить с средневековым крепостничеством, которого так хотели немцы. Не случайно поэтому они спешили сде-

Разрушенное немцами здание школы № 1.
Нальчик, ул. Ногмова, 57.

лать все от них зависящее для упразднения и ликвидации социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

* * *

Немцы рекламировали себя защитниками и покровителями национальной культуры народов Кавказа. Но факты опровергли и эту провокационную ложь гитлеровцев. Гитлеровцы — злейшие враги советской культуры, душиатели национальной культуры советских народов.

В период временной оккупации не работало в республике ни одно культурное учреждение, которое бы обслуживало сколько-нибудь широкие массы населения, не работали школы. Почти все школьные помещения были разрушены, превращены в конюшни и солдатские казармы. Единственный в республике научно-исследовательский институт национальной культуры вместе с редчайшими литературными памятниками предан огню. Немецкие варвары взорвали и сожгли театры и политпросветучреждения, разграбили педагогический и учительский институты вместе с богатейшим библиотечным фондом. Из библиотечных фондов республики сожжено и уничтожено около полумиллиона томов.

Лучшие исторические ценности национальной культуры и искусства (экспонаты Кабардинского музея, редкие книги и картины) уничтожены и частично вывезены в Германию. Немецкие оккупанты упразднили науку, заменили ее пошлыми историческими экскурсами, боясь страшной для них правды текущего дня.

Вот ряд „научных“ статей, предназначавшихся к печати, но не успевших увидеть света.

В статье, озаглавленной „Пиво“, подробно рассказывается, что „способы приготовления пива были известны еще древним египтянам“.

В статье „Пружинный матрац“ какой-то фашистский писак с серьезным видом ученого рассказывает:

„Пружинные матрацы были известны еще в древнем Египте“. Больше того, автор даже знает, что три тысячи лет тому назад не было металлических пружин и добавляет: „Правда, пружины были не металлические, а деревянные“.

В другой статье, озаглавленной „Съедобные камни“, можно прочесть о том, что существуют в природе съедобные камни, что целесообразно подмешивать в молоко,

сметану и масло такие вещества, как мел, известь, глину, гипс.

Далее подробно рассказывается о том, что в экваториальной Америке имеются племена геофагов, которые едят землю.

В конце статьи автор заключает:

«... несомненно, что многие камни по своей мягкости и пластичности очень приятны во рту».

Такова „научная“ проблематика, достойная немецко-фашистских дикарей и людоедов.

Им, залившим мир кровью миллионов ни в чем не повинных людей, создавшим чудовищные фабрики для истребления миллионов людей, чувствующим свою историческую обреченность, страшно было говорить о текущих делах. Поэтому они рассуждают об египетских матрацах и древних китайцах, впервые в истории употреблявших деревянную вилку.

Понятно, что немцы не от хорошей жизни занялись съедобными камнями и земляными племенами.

С целью заигрывания с верующими мусульманами гитлеровцы заделались было „любителями“ мусульманских обычаев и нравов. На руках гитлеровских извергов еще не высохла кровь абиссинских и испанских мусульман, а на Кавказе они вдруг „полюбили“ коран. Но „любители“ выглядели слишком уродливо и смешно.

Немцы взялись торжественно провести в республике мусульманский праздник „курман-байрам“. Верующие мусульмане, к их удивлению, могли узнать о том, что организаторами их праздника на этот раз будут немецкие офицеры, которые, конечно, не бывали в Мекке и Медине и не делали намаза.

Оккупанты использовали праздник для ограбления верующего населения. Вот, например, характерный документ — указание бургомистру селения Лечинкая, Нальчикского района, от 27 ноября 1942 года. Здесь предлагается для нужд праздника „срочно собрать и отправить в Нальчик хорошие бурки и башлыки, позолоченные, серебряные кинжалы и пояса, лошадь с полным комплектом сбруи и седлом, хорошую плетть, каракулеву новую шапку, серебряную шашку, баранов живых, гусей, индеек и кур — в очищенном виде, бузу, пиво и деньги“.

Особенно оговариваются следующие пункты:

1. Выделите мужчин, подходящих для разноски по столам пищи и чисто одетых в кабардинскую форму.
2. Выделите танцоров — мужчин и женщин. Если имеется, — хорошую красивую гармонистку.
3. Упор надо делать на сладости и фрукты“.

Идиотизм гитлеровцев дошел до того, что указанными обязательными поставками для „нужд“ мусульманского праздника были обложены не только кабардинские селения, но и русские и казачьи станицы.

Из всех этих махинаций грубо торчат ослиные головы немецких грабителей и мошенников, надругавшихся над традициями нашего народа, его нравами и обычаями. Разве не ясно, для чего оккупантам понадобились к „курман-байраму“ бурки и башлыки, кабардинские лошади и седла, плети и кинжалы, „красивые гармонистки“ и жареные гуси. Немцы ухватились за праздник с целью бессовестного ограбления населения, для потехи и удовольствия своей голодной и вшивой солдатни.

* * *

За короткий период оккупации немецко-фашистские захватчики причинили республике огромный ущерб. Грабежи и разрушения носили характер планомерного уничтожения материальных и культурных ценностей, созданных многолетним трудом советского народа.

Чрезвычайная Государственная Комиссия СССР подытожила ущерб, причиненный Кабардинской АССР немецко-фашистскими оккупантами.

Установлено, что оккупанты разрушили и уничтожили в республике более 9 тысяч жилых домов, культурных учреждений и прочих зданий и построек общественного значения.

Кроме того, разрушено и уничтожено более 200.000 куб. метров жилых зданий и построек, принадлежавших гражданам Кабардинской АССР.

Оккупанты уничтожили 1489 гектаров садов и виноградников, 237.180 гектаров посевов, расхитили и вывезли 37.085 тонн сырья и сельскохозяйственных продуктов, принадлежавших колхозам. Ограблены и понесли серьезный материальный ущерб 18.685 хозяйств. Оккупанты уничтожили и взорвали все крупные промышленные предприятия

Обломки камней на месте здания Нальчикского вокзала,
взорванного немцами,

республики, созданные за годы советской власти. Оккупанты уничтожили большое количество скотопоголовья в республике.

Немецко-фашистские захватчики с 12 августа 1942 года по 11 января 1943 года, за период оккупации территории республики, причинили колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям, учреждениям и гражданам нашей республики ущерб, выразившийся в сумме 2.268.361.863 рублей.

Немецкие варвары разрушили столицу республики — город Нальчик. Лучшие кварталы города превращены в пепелище. Всего в городе по приказу немецкого командования взорвано и сожжено 117 крупных зданий.

В варварских разрушениях и поджогах ярко выражена звериная ненависть врага к народам Кабарды как и ко всем народам Советского Союза.

* * *

Гитлеру принадлежат следующие слова, достойные только людоеда: „...кто может оспорить мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые“.

Выполняя эти указания, немецкие оккупанты совершили многочисленные злодеяния по отношению к народам Кабардинской АССР, как и к остальным советским народам, оказавшимся временно под властью немецких захватчиков.

Полная картина зверств немецких оккупантов раскрылась после изгнания их с территории республики. Тысячи трупов советских людей обнаружены в противотанковых рвах, вдоль дорог, в лесах и степях республики.

Дикие зверства и насилия чинили оккупанты с первых дней своего хозяйничанья.

В городах, селениях и станицах были произведены массовые аресты мирных граждан — мужчин, женщин, стариков и детей. Заключенных подвергали нечеловеческим пыткам.

После мучительных пыток и истязаний арестованные целыми группами вывозились за город, где их расстреливали у противотанкового рва. Единицам удалось спастись от страшного ада. Они рассказывают, что в глубоком снегу немцы заставляли свои жертвы раздеваться. Мародеры забирали все, что казалось им полезным, — обувь, телогрейки, пальто, продовольственные сумки, теплое белье. Не-

мецкие изверги избивали свои жертвы, выкручивали руки, подвергали дополнительным истязаниям, после чего расстреливали их разрывными пулями. Расстрелянные слегка забрасывались землей. В страшных муках умирали под землей тяжело раненные советские люди. Среди изуродованных трупов найдены женщины с детьми, не имеющими следов ранений: младенцы падали в ров вместе с матерями и задыхались, засыпанные землей.

Трупы жителей сел. Кенже, Нальчикского района, — Блянихова Темиркана и его дочери Лели обнаружены с перебитыми черепами, разорванными мышцами — следами укусов собак. Среди трупов было обнаружено 11 человек из семьи рабочего Ифраимова, в том числе 6 детей от 2 до 12 лет. Невыносимые пытки учинили оккупанты над работницей Евгенией Майсурадзе и ее 10-летним сыном — Вилей. На глазах матери мальчику отрезали уши, нос, отрубили руки, а затем пристрелили и мать. Перед расстрелом ей вывернули руки и выкололи глаза.

Страшное кладбище устроили оккупанты в противотанковом рву на подступах к городу Прохладному. Здесь обнаружено 638 трупов советских граждан. Немецкие оккупанты расстреливали мирных советских граждан без суда и следствия.

Жители селения Пролетарское, Прохладненского района, Диброва и Чумакова рассказывают:

„31 августа 1942 года в наше село явился отряд вооруженных гестаповцев. Отряд арестовал 14 колхозников, среди них: Дибров В. А. — 68 лет, его сын Илья — 16 лет, Луценко А. В. — 65 лет, Чумак Д. Е. — 54 года и др. Арестованных согнали в один двор. Сюда же под угрозой расстрела было согнано все население.

Арестованных отогнали в огород. Им было приказано лечь лицом вниз, чтобы лежащих расстрелять. Раздались очереди из автоматов. Так были расстреляны 9 колхозников, а остальным удалось бежать, пользуясь близостью леса“.

В акте, составленном жителями поселка Терек, Терского района, говорится:

„...свои жертвы гестаповцы свозили в лесную местность Дубки.

Здесь обреченных заставляли копать себе могилы, а затем расстреливали их.

Извлеченные из ямы в Дубках трупы, кроме множества пулевых ранений, имели следы чудовищных пыток. Труп

старика Кожаяева Ш. был без головы, левая нога отрублена. У Шугушева Х. отрублены пальцы рук. Труп молодой женщины Бидоевой А. был голый и изуродован до неузнаваемости. Лицо изрезано ножом, левая рука отрублена“.

В сел. Зольском фашистские душегубы 48 советских граждан загнали в силосную траншею и закидали гранатами. Среди них были разорваны на клочья 17 детей от 3 до 8 лет.

Жители хутора Черниговского, Прималкинского района, тт. Кузьмина и Горбещенко рассказывают о том, как немецкие палачи схватили неизвестного мужчину, заставили его копать себе могилу, а затем выстрелили ему в затылок и слегка засыпали землей. Колхозники видели, как в течение нескольких минут шевелилась земля над несчастной жертвой.

Немецкие офицеры бросили гранату в кухню колхозницы Машуковой из селения Аргудан за то, что старуха не успела во-время приготовить пищу. Разрывом гранаты была убита Машукова вместе с малолетним сыном.

В селении Озрек, Лескенского района, немецкие солдаты облили 70-летнюю старуху Екаеву бензином и подожгли за то, что старуха возразила против действий оккупантов, забравших кур.

Немецкие солдаты ворвались в дом колхозницы Таткутовой (в сел. Верхний Курп), изнасиловали ее, а затем расстреляли вместе с ребенком.

В сел. Ново-Ивановка, Майского района, немецкий офицер изнасиловал 54-летнюю старуху У. в присутствии четверых детей.

Сколько в этих фактах презрения и дикой ненависти к советскому человеку, его достоинству.

Всего за время оккупации на территории республики убит и замучен 4241 человек гражданского населения и военнопленных. Не менее этого же количества искалечено в результате боев, бомбежки и артиллерийского обстрела мирных населенных пунктов.

Установлено, что грабежи, разрушения и злодеяния немецко-фашистских оккупантов не вызывались никакими военными соображениями. Они не вызывались и недисциплинированностью отдельных солдат или воинских частей. Они были системой, которую поощряло командование и правительство фашистской Германии.

Таким образом, еще раз подтвердились слова ноты На-

родного Комиссара Иностранных Дел СССР тов. Молотова от 6 января 1942 года:

„Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которое сознательно развязывает в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты“.

* * *

Сыны великого русского народа, сыны всех советских народов, сплоченные в рядах героической Красной Армии, вызволили народы Кабардинской Автономной Советской Социалистической Республики из страшного фашистского рабства, спасли наш народ от бесчисленных унижений и страданий.

Жители города Нальчика, трудящиеся республики со слезами радости встретили воинов Красной Армии — своих братьев-освободителей.

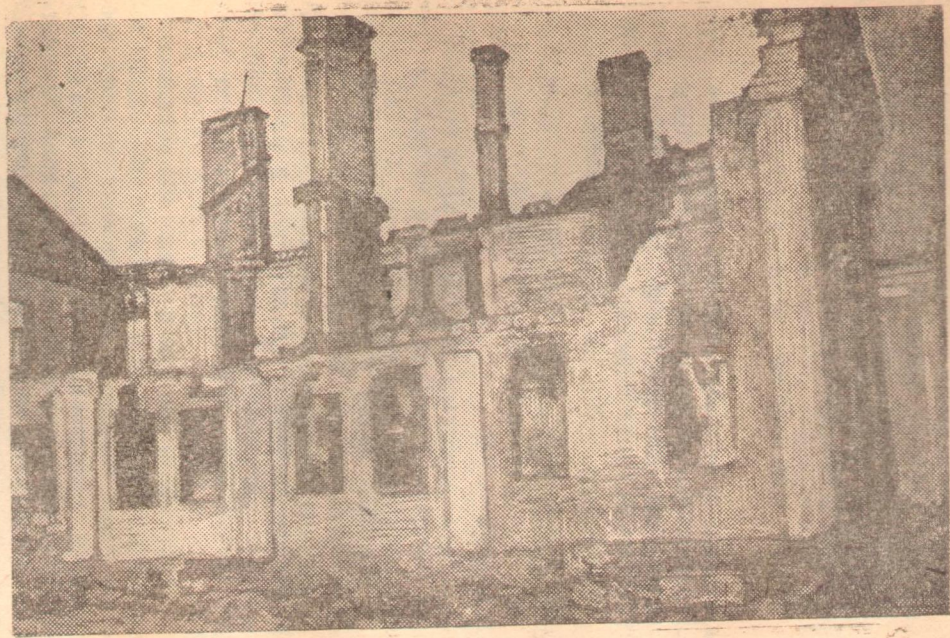
Однако освобожденным народам Кабардинской АССР предстояла упорная, тяжелая борьба с наследием немецко-фашистской оккупации. Это наследие — не только дикие разрушения в городах, селах и станицах, не только слезы сирот. Немецко-фашистские мерзавцы оставили следы своей гнусной буржуазно-националистической пропаганды. Активным помощником немецких захватчиков в распространении этого змеяного яда явились буржуазные националисты, совершившие много кровавых преступлений перед советским народом.

Патриотический и вместе с тем национальный долг трудящихся нашей республики состоит в том, чтобы быстрее и полностью ликвидировать последствия немецко-фашистской оккупации, выкорчевать до конца остатки буржуазно-националистической идеологии и ее носителей, еще больше крепить дружбу народов, вывести Кабардинскую АССР в число передовых республик Советского Союза.

Теперь уже сбылось то, о чем мечтали миллионы людей с первых дней войны.

Великое, светлое слово ПОБЕДА молнией облетело весь мир.

Жилой дом, взорванный немцами.

Гитлеровская Германия полностью разгромлена и безоговорочно капитулировала. Гитлеровские людоеды, мечтавшие о мировом господстве, пытавшиеся притти к нему через моря человеческой крови, потерпели полный крах. К стопам Красной Армии повержен город-изверг, центр фашистского мракобесия — Берлин. Мы хорошо знаем конкретных виновников кровавых злодеяний. Никто из них не спасется.

Их не минует гнев народа. Они будут сурово наказаны, если только они еще где-нибудь сохранили свои поганые шкуры и звериные душонки.

Исторические дни великой радости и торжества переживают советский народ и все свободолюбивые народы мира.

Советский народ и его Красная Армия спасли цивилизацию всего мира от немецко-фашистских извергов.

И в дни всенародного торжества и ликования мы славим большевистскую партию Ленина — Сталина — организатора и вдохновителя нашей великой исторической победы.

Мы славим наш могучий советский народ и его стальной щит — героическую Красную Армию, прославившую в веках нашу великую советскую Родину.

Мы славим нашего родного великого Сталина!

Б. Кабалоев.

Немец-бандит

Ниже публикуется акт, в котором показываются бесчинства, которые творил один немец во время оккупации гор. Прохладного. Акт составлен депутатами горсовета тт. Фурсовой и Семеновой.

„4 января вечером в дом № 5 по Харьковской улице, где проживает семья железнодорожника Пихтерева, ворвался пьяный фашист. Несмотря на слезы детей, немец начал зверски избивать жену Пихтерева, а когда она вырвалась и убежала, схватил с кухонного стола банку со смальцем, вылил его на раскаленную плиту, сложил в общую кучу подушки, матрацы, одеяла, облил керосином и все это поджег. Загорелись гардероб, комод. С трудом удалось спасти детей. Дом сгорел. Пихтерева с четырьмя детьми — семилетним Толей, шестилетним Виталием и Лидой и семимесячной Аней остались без крова.

Этого показалось мало бандиту. Вскоре он ворвался в квартиру Коринецких (Харьковская, № 12). Буянил, грозил ножом. Руки его были в чьей-то крови. К счастью, потухла лампа, и жене Коринецкого удалось скрыться. Хозяину квартиры немец нанес несколько ножевых ранений.

В тот же вечер распоясавшийся фашист побывал в семьях гражданок Кучкиной и Рукавишниковой. Ранил ножом Кучкину Лидию Игнатьевну, облил известью Рукавишникову Лидию Николаевну за то, что она, старая и больная, не смогла быстро открыть ему дверь. Рукавишникова ослепла.

Все это совершено только за один вечер. А сколько таких двуногих хищников ежедневно рыскало по городу!“.

Следуют подписи.

(„Кабардинская Правда“, 12 февраля 1943 г.)

Банда убийц и грабителей

(На допросе пленных гитлеровцев в гор. Нальчике)

Вот они, трусливые убийцы, презренные „цивилизаторы“, несущие народам смерть и рабство. Жалок их вид. Отвратительна их речь.

Здесь и немцы и румыны — шпана с автоматами, отпетая банда без чести и совести.

„Идейные“ куроеды, для которых высшей доблестью стали разбой, грабеж и убийство.

Зачем они пришли к нам? Что им нужно на Кавказе?

Обер-ефрейтор Йозеф Лесяк вежлив до тошноты. Он по-минутно старается выказывать особо изысканные манеры говорить, жестикулировать и отвечать на вопросы. Но корректный и спокойный комиссар ставит ему прямые, отечественные вопросы. Тогда обер-ефрейтор никнет, трусливо озирается по сторонам и цедит сквозь зубы:

— Меня послал фюрер воевать против вас. А я попал в плен. Мне кажется, мы все погибнем здесь.

Это вывод, к которому пришел обер-ефрейтор, взятый за шиворот. Правильный вывод. На нашей земле погибли все поганые псы, немецко-фашистские звери умрут собачьей смертью, заплатив за все свои злодеяния, за кровь миллионов невинных людей, за поруганную и растоптанную нашу землю.

Пленные охотно рассказывают о чудовищных зверствах и насилиях, совершаемых немецко-фашистскими оккупантами в занятых ими районах нашей страны. Но когда их спрашивают, почему немцы так бесчеловечно расправляются с мирными советскими людьми, они с циничной откровенностью заявляют:

— Нам так приказали фюрер и офицеры.

Кровавый палач Гитлер приказал своей бандитской орде убивать и истреблять советских людей без различия пола

и возраста. Мы не забудем этого. Рассчитаемся за все с немецко-фашистскими мерзавцами.

О громадных потерях, которые несут немецкие войска, рассказывает унтер-офицер 370 немецкой пехотной дивизии Рудольф Коллеска.

— Наша дивизия, — говорит он, — в начале июля текущего года в спешном порядке была переброшена из Франции на советско-германский фронт. Нас сразу ввели в бой. Трудно передать, что творилось в среде наших солдат, когда русские обрушили на нас огонь бомбардировочной авиации, артиллерии, минометов, автоматов — сразу, одновременно. Мы стреляли, не целясь, продвигаясь через трупы своих. В первых двух боях наша дивизия потеряла более 50 процентов своего состава.

Между комиссаром и унтер-офицером происходит следующий диалог:

— Чем вы занимались в Германии?

— Я торговал.

— А отец?

— Отец ведет хозяйство.

— Какое хозяйство?

— У него 60 гектаров земли, забот много.

— Как много? В хозяйстве он один?

— Нет. Отец управляет хозяйством.

— А работает кто?

— Конечно, батраки, иностранцы.

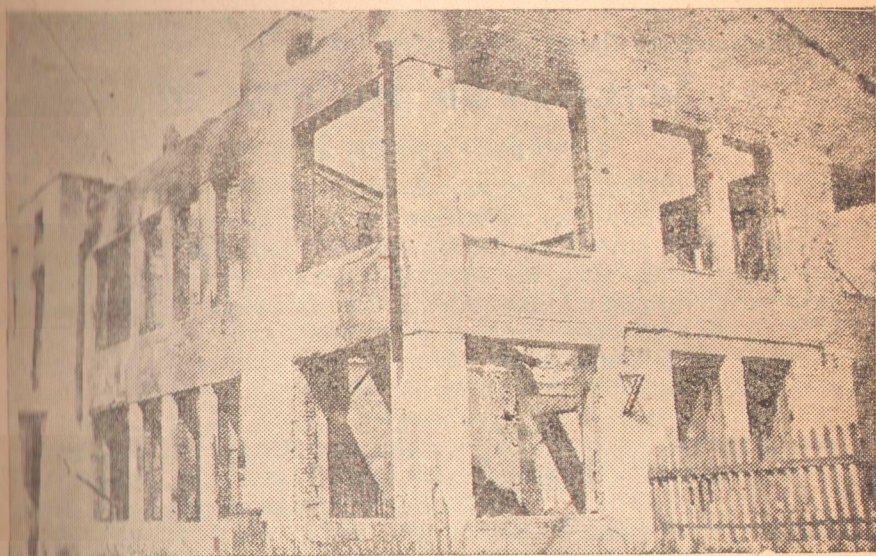
Немцы угоняют всех работоспособных мужчин и женщин из оккупированных районов и заставляют их работать от зари до зари на голодном пайке. Причем каждый мерзавец, именующий себя представителем „высшей расы“, держит своего раба в постоянном страхе, избивает и унижает всячески. Таков „новый порядок“, устанавливаемый гитлеровцами для всех народов, которые временно попали в их грязные лапы.

Несколько слов о пленных румынах. Все они — вояки одного пошиба. Вшивые, вечно голодные, они представляют из себя весьма плохую опору Гитлера. Солдат Рац Р., родом из Трансильвании, с нескрываемой злобой поглядывает на немцев и гневно рассказывает:

— Немцы обобрали Румынию до нитки. Румын они гонят на фронт силой. Например, ко мне на квартиру ночью ворвалась группа немецких солдат и офицеров. Я спал в комнате с сестрой. Они меня подняли с постели, приказали одеваться, изнасиловали мою сестру, а меня самого, как

арестанта, привели на призывной пункт. Проклятье Гитлеру и всей его банде! Я все время выжидал удобного случая, чтобы сдаться русским в плен.

Разрушенное здание Управления связи Кабардинской АССР.
Нальчик, Баксанская, 4.

И здесь, на полях Кабарды, такой случай представился. Мы с моим товарищем Арделяном Штефан шесть дней скрывались в кукурузе, чтобы нас не обнаружили наши командиры. А когда бой утих, мы подняли руки и пошли к русским.

— Да, да, было именно так, Рац прав, было именно так, — вставляет Штефан.

Вторая горно-стрелковая румынская дивизия, в которой служили Рац и Штефан, полностью разгромлена частями Красной Армии. Те солдаты, которые добровольно перешли на нашу сторону, тем самым сохранили себе жизнь, те

же, которые сопротивлялись, лежат мертвыми в лощинах, под кустами и под горами на территории нашей республики. Ни один оккупант не уйдет живым с Кавказа.

Надо еще крепче бить, бить и истреблять немецко-фашистскую погань, чтобы люди могли жить свободно.

К. Цавкилов.

(„Кабардинская Правда“, 15 сентября 1942 г.)

Не забудем, не простим!

(Зверства немцев в Кызбуруне I)

Стемнело. Мы входим в селение Кызбурун I. Оно только что освобождено от немецких оккупантов. Но кругом рвутся снаряды, свистят пули, раздается дробь автоматов. Это—бои, происходящие за соседнее селение. Гитлеровцы, выбитые из Кызбуруна I, находятся в 600 метрах от нас. Они окопались на противоположном берегу реки Баксан и бьют по селению из пулеметов и пушек: они вымещают свою злобу на мирном населении, разрушают снарядами их дома, постройки. Вот почему, когда мы появились на улицах селения, сразу обратили внимание на пустоту не только улиц, но и домов. Колхозники дни и ночи проводят в подвалах и щелях.

Разговорились с одной женщиной. Узнав, откуда и кто мы, она мгновенно побежала куда-то, а через минуту нас обступила большая группа женщин, стариков и детей. Худые, истощенные лица. Слова, полные горечи и ненависти к немецким захватчикам, державшим мирных людей в страхе перед фашистским сапогом. Со слезами на глазах люди, освобожденные от фашистского гнета, повествуют о мрачных днях под властью оккупантов.

— Солице больше не грело нас, а наши красавицы-горы больше не ласкали наши взоры, — с болью проговорил старик Молов. Потом он гневно сжал кулаки и, обращаясь в ту сторону, где находились немцы, произнес:

— Зменное племя! Вы пришли молодость нашу загубить и счастье наше омрачить. Не увидите из наших гор живыми, проклятые и презренные!

За время своего кратковременного хозяйничанья в Кызбуруне I немецко-фашистские мерзавцы творили дикое насилие над мирными людьми, грабили, унижали их национальное достоинство. От рук немецко-фашистских зве-

рей погибло 52 человека, повинных только в том, что они хотели жить по-человечески и не пожелали стать холоуями оккупантов. Гитлеровские палачи зверски убили колхозника Архестова Кашифа только за то, что тот не хотел отдавать свой очаг на разграбление гитлеровским мародерам. За это же убит и колхозник Саблиров Лапу.

Немецко-фашистские негодяи не останавливались и перед убийством женщин. Так, ими убита старуха Асланова Фаниса, которая протестовала против диких зверств, чинимых гитлеровскими убийцами.

Запомните это, кабардинцы — мужчины и женщины! Запомните и не верьте провокаторам и фашистским агентам, которые распространяют вздорные слухи о якобы хорошем отношении немцев к горским народностям. Ложь! Гитлеровцы равно ненавидят все народы Советского Союза: и кабардинцев, и русских, и евреев, и украинцев, и грузин, и татар, и белоруссов. Всеми средствами: где не помогает виселица, там — пряниками, где не помогают пряники, там — виселицей, пулей и кнутом — немецко-фашистские бандиты хотят все народы нашей любимой Родины частью истребить, частью обратить в покорных рабов немецкой сволочи.

Нам рассказали о садистских преступлениях немецко-фашистских псов. Группа гитлеровских негодяев изнасиловала и надругалась над молодой девушкой-кабардинкой Фаризой Х. Запомните это, девушки-кабардинки! Запомните это, все девушки Кабарды, Северного Кавказа! Запомните и усиливайте свою работу на строительстве оборонительных рубежей, у станков предприятий и на полях колхозов, чтобы помочь Красной Армии скорее очистить Северный Кавказ и всю советскую землю от гитлеровской мрази!

Селение Кызбурун I, которое еще недавно славилось своим богатством, сейчас опустело. словно саранча, прошла по селу гитлеровская грабь-армия. Колхозники рассказывали нам о „новом порядке“, установленном оккупантами. Все дома селения разграблены. Немецкие вояки брали наволочки, одеяла, женские сорочки, детские распашонки, платья, одежду, обувь, даже детские чайные ложки, гонялись с автоматами за курами, гусями и утками. Ночью они врывались пьяной ордой в подвалы и щели, угрожая автоматами, поднимали перепуганных женщин и заставляли их найти яйца, кур, гусей, изжарить их и доставить офицерам. Если они замечали, что на дверях дома, подвала

или какого-нибудь другого помещения висит замок, они бросали туда гранаты или изрешечивали двери очередями автоматов. Скот резали или убивали прямо из автоматов и, как голодные шакалы, поедали его.

Запомните все это, трудящиеся Кабарды! Запомните и мстите немецко-фашистским извергам за муки и слезы наших братьев, за страдания наших советских людей! Мстите беспощадно за убитых, обездоленных, за наши цветущие села, ограбленные фашистскими зверями и превращенные ими в пустыни! Пусть каждый из нас удесятерит свою энергию на том посту, где он стоит, и усилит свою помощь фронту.

Не должно быть ни одного советского человека, который бы ежедневно не спрашивал себя: что я сделал, чтобы быстрее уничтожить поганое немецко-фашистское племя, и что я должен еще сделать, чтобы поскорее освободить мою Родину, мою родную советскую землю от гитлеровских бандитов и убийц? Все наши мысли, вся наша энергия, каждый наш шаг должны бить в одну точку: смерть немцу-оккупанту, смерть фашисту-мерзавцу, смерть проклятой орде насильников-палачей! Отбросим на время в сторону наши личные интересы. Наша Родина в опасности! Отстоим нашу Родину!

Советские люди никогда не будут рабами немецких мерзавцев. Не топтать грязному немецкому сапогу советского Кавказа. Мы отомстим за все фашистским мерзавцам: и за Кызбурун I, и за другие наши села и города, и за поруганную нашу землю, и за смерть наших жен, матерей, братьев, невест и детей. Смертью, и только смертью расплатится за все свои злодеяния гитлеровское зверье! Оно не уйдет от возмездия!

Н. Евгажуков.

К. Цавкилов.

(„Кабардинская Правда“, 11 сентября 1942 г.)

Зверь-убийца

А К Т

1 июля 1943 года, Черниговский сельсовет, Прималкинского района, Кабардинской АССР.

— Мы, нижеподписавшиеся, Филипенко Дмитрий Калинович, Ашинов Тлух Хизирович, врач Бруцкий Михаил Федорович, прокурор Абазов Хамат Хажгериевич, депутат исполкома Прималкинского райсовета депутатов трудящихся Романенко Тимофей Михайлович, партизанка Буцкая Ольга Сидоровна, в присутствии граждан Черниговского сельского совета, Прималкинского района, Серой Агриппины Никифоровны, Гордиенко Василия Тимофеевича, Черкасовой Марии Петровны, составили настоящий акт о нижеследующем:

В период оккупации селения Черниговского, в сентябре 1942 года, немецким солдатом на территории огорода Черниговского села был арестован и отправлен в немецкую комендатуру села Черниговского шедший по берегу реки мужчина, по национальности кабардинец. Арестовал этого неизвестного гражданина немецкий охранник, конвоировавший жителей села Черниговского, которых немцы заставляли копать картофель для немецкой столовой.

Вскоре после ареста неизвестный мужчина был приведен тем же немцем на место копки картофеля, и в присутствии советских граждан немец расстрелял его, предварительно заставив кабардинца копать себе могилу. После расстрела он слегка присыпал убитого землей. Присутствовавшие колхозники видели, как еще несколько минут шевелилась земля, которой был присыпан расстрелянный человек.

Женщины заплакали, а немецкий зверь ответил: „Вам его жаль, а я вчера в Алтуде застрелил трех человек“.

Выяснить личность расстрелянного товарища не удалось.

Следуют подписи.

(„Кабардинская Правда“, 28 декабря 1943 г.)

Зверства немцев в Майском районе

Фашистские разбойники за короткий период оккупации Майского района полностью показали свое звериное нутро.

Фашистские палачи расстреляли и замучили ряд честных советских людей, лучших наших товарищей. Они повесили Шуру Козуб, расстреляли старушку Зарубину, инструктора райкома ВКП(б) Фросю Ганночку и ее 75-летнюю мать, предварительно подвергнув их нечеловеческим пыткам.

Фашисты вводили свои порядки, по-своему пытались перестроить нашу жизнь. Было открыто „Бюро труда“, единственная цель которого — учесть рабочую силу и использовать бесплатно на тяжелой работе. С раннего утра и до темноты работали люди на ремонте дорог и мостов, подгоняемые полицейскими прикладами. За опоздание на регистрацию в бюро, за неявку взимались штрафы. Всюду висели приказы: „За невыполнение — расстрел“.

Фашистские мародеры провели „учет“ скота. Они разъезжали на мотоциклах по дворам колхозников, шарили по сараям, хлевам, а затем отгружали скот на машины и увозили.

Немцы „позаботились“ и о медицинской помощи населению: за осмотр больного была установлена плата 10 руб., за прохождение комиссии — 30 руб.

Богатейшие колхозные хозяйства были разграблены, скот, хлеб съедены или увезены, урожай 1942 года, в большей своей части, не убран. На полях остались такие ценные культуры, как конопля, клещевина, кукуруза, подсолнух, картофель. Ни одного гектара озимых в период немецкой оккупации не засеяно. Население обрекалось на голод и нищету.

Отступая, немцы взорвали Котляревский спиртзавод, взорвали птицекомбинат, полностью уничтожили железно-

дорожную станцию Котляревская, разрушили ряд маслозаводов, мельниц, колхозных ферм, амбаров, сельскохозяйственных машин.

По предварительным подсчетам общая сумма убытков, нанесенных немецкими оккупантами по Майскому району, равна 383.848.315 рублям.

Ф. Сумец.

(„Кабардинская Правда“, 21 февраля 1943 г.)

Шура Козуб

Большой портрет девушки, украшенный венком, висит в здании Ново-Ивановского сельсовета. Это Шура Козуб, комсомолка, красная партизанка, верная дочь нашей Родины, казненная немцами.

Шура родилась и выросла в Ново-Ивановке. Все знали и любили веселую, работающую девушку. Почти четыре года она работала налоговым агентом. По сбору средств она всегда занимала первое место в районе. Она же член молодежной агитбригады, прекрасная исполнительница частушек. Еще лучше стала работать Шура в дни Великой Отечественной войны.

Фронт приближался к родным местам. Слышались близкие раскаты орудийной стрельбы. В густых зарослях по реке появилась немецкая разведка. С группой бойцов Шура ушла проводником по знакомым с детства дорожкам. Наглый враг был окружен и уничтожен.

Все реже можно было застать Шуру дома. Она исчезала на день, на два. Возвратившись, подолгу о чем-то говорила с бойцами, а затем, простившись с матерью, Шура ушла надолго.

1 ноября, когда в селе хозяйничали фашистские мародеры, неожиданно вернулась Шура. Она вошла бледная, с трудом опираясь на раненую ногу.

— Мама, спрячьте документы. — С этими словами протянула она матери бережно завернутую партийную кандидатскую карточку. Нога разболелась: появилась опухоль, нагноение. Шура пролежала более 10 дней. Подолгу молчала. Только по ее осунувшемуся, побледневшему лицу видно было, что она напряженно о чем-то думает. Из скудных фраз мать узнала, что она с бойцами попала в окружение, нужно было уходить пешком, а в это время

разболелась нога. Шура решила вернуться домой, чтобы поправившись уйти и скрыться.

Но враг зорко следил за тем, что делалось в маленьком домике Козубов. 17 ноября с обыском явились полицейские. Шуру арестовали.

* * *

В полицейском управлении, в Майском — допрос. На назойливые вопросы гитлеровцев о местопребывании партизан отвечала ровным, твердым голосом: „Ничего не знаю, не спрашивайте“. Ее били, ей угрожали смертью — она молчала. Шуру вывели на улицу. На ее груди повесили дощечку с надписью: „Я была партизанкой“.

— Вот твое место, — сказал немец, указывая на высокий столб, по которому уже карабкался с толстой веревкой гестаповец. Она обвела взглядом знакомую улицу. Невдалеке стали останавливаться жители. Они с недоумением смотрели на невиданное зрелище. В синей блузке с яркими цветами на груди, вышитыми нежной рукой матери, в серенькой клетчатой юбке, в сапогах, стояла девушка, крепко сжав руки, то поднимая глаза на страшную петлю, то опуская их вниз. Ни жалоб, ни просьб не слышалось с ее губ. Она шагнула к скамейке, встала.

— Скажите, — умираю за Родину, — сказала она, поклонившись народу, и спокойно надела петлю. И только несколько крупных слез скатилось по бледным ее щекам. Немец резко выбил из-под ее ног скамейку и покосился на громко зарывавшую женщину.

Три дня висел труп. Люди всматривались в знакомые черты лица, ровные брови, черную родинку на правой щеке и в сотый раз перечитывали шопотом: „Я была партизанкой“.

Фашистские палачи продолжали свои издевательства над трупом: сняли сапоги и раскачивали за ноги, нагло смеясь.

* * *

4 января частями Красной Армии район был очищен от фашистских банд. Через несколько дней друзья и односельчане хоронили свою Шуру. В почетном карауле стояли ее товарищи. Был ясный морозный день. Звуки похоронного марша уносились далеко за село.

— Положите ее рядом с отцом. Он тоже боролся за лучшую жизнь, — сказала мать, Ксения Даниловна.

И Шуру похоронили около могилы отца, активного участника гражданской войны.

А. Крылова.

(„Кабардинская Правда“, 4 марта 1943 г.)

Они зовут к мести

Сумерки. Город притих. На улицах ни души. Все живое заперлось по своим углам.

В определенный час (жители Прохладного хорошо его знают) со двора, где помещается тайная полиция, выезжает черная машина. Она движется за город, к станции. Немецкий патруль беспрепятственно пропускает ее. Машина проезжает контрольный пункт, движется по грейдеру, потом сворачивает влево, в степь, и останавливается. Жгучий степной ветер завывает, метя снег, пригибая сухой бурьян. Холодно и страшно в степи.

Из машины, выталкиваемые пинком сапога, падают люди: мужчины, подростки, женщины. Падают в снег, с трудом поднимаются, ослабевшие от пыток и голода. Их гонят вперед, к чернеющему, длинному и глубокому противотанковому рву, которому суждено быть теперь их могилой.

Они идут. Ноги медленно передвигаются по снегу, словно налиты свинцом. Их трудно оторвать от земли. А ров все ближе...

Выстрел. Один, другой, третий. Стоны, проклятия. Груды тел, еще несколько минут назад бывших живыми, засыпают землею. Завтра привезут новых.

* * *

Пинакий длинный сарай пригородного хозяйства. Сюда свозят трупы замученных. Здесь ищет свою мать Радзивиллова Люба из колхоза „Первая пятилетка“. Плачет сестра над трупами подростков Лени и Андрюши Мельниковых, расстрелянных за то, что немецкий солдат нашел в огороде спрятанную мальчишками винтовку.

Сколько их, советских людей, лишенных жизни только за то, что они любили свою Родину! Два длинных ряда вдоль обеих стен. Сотни трупов.

Вот труп мужчины. Лицо его — сплошная кровавая масса. Зубы верхней челюсти выбиты, руки вывернуты из суставов, пальцы рук раздроблены. Спина в синих полосах. С трудом узнала жена директора Екатеринбургской средней школы Меркулова Федора Ивановича.

За что растерзали его звери? Обвинялся в коммунистической пропаганде. Беспартийный большевик, тов. Меркулов не склонил головы, не стал кривить душою. „Я советский гражданин и останусь им“, — заявил он во время ареста. Его мучили, пытали и, наконец, расстреляли в спину излюбленным способом профессиональных убийц.

Вот 14-летний пионер Вечеркин Леня, труп которого мать узнала только по одежде. Он был разведчиком. Вместе с младшим братишкой Володицей доставлял нашей части, что держала оборону вокзала, сведения о немцах, расположенных в станице. Наши отступили. Леня не успел уйти с братом. Нашелся подлец, выдал.

Вот высокая, седая, просто одетая женщина. Брови сдвинуты. Руки сжаты в кулаки. Кажется, с губ вот-вот сорвется проклятье. Кто она? Никаких документов. Только на груди в боковом кармане бумажка. На ней написано карандашом. Это молитва. Наивная, может быть в самую последнюю минуту надеялась спасти себя этим!

Вот принесли еще несколько трупов. Мужчины в нижнем белье, совсем раздетые. Это военнопленные, красноармейцы. Рядом с одним — костыли. Расстреливали даже раненых.

Можно было бы продолжить этот траурный список бесконечно долго. Ведь ров тянется на десятки километров...

* * *

Хмурым утром на площадь против разрушенной немцами поликлиники и сожженного здания школы собрались прохладненцы отдать последний долг землякам. В братскую могилу должны сейчас опустить скромные гробы с телами замученных людей. Строги и печальны лица провожающих.

Вот мнет в руках шапку старик. Ветер треплет седые волосы. Старик только что держал слово. Сейчас он подо-

шел к гробам совсем близко, словно прощаясь с каждым в отдельности. Он привел на похороны и внука.

— Смотри и запоминай. Такое на всю жизнь запомнить надо. Слова старика прозвучали, как клятва о мести. Никогда не забудут и никогда не простят прохладненцы зверств, учиненных немцами.

- Е. Доброхотова.

(„Кабардинская Правда“, 22 февраля 1943 г.)

Будьте прокляты, немецкие изверги!

(Письмо горских евреев г. Нальчика)

65 дней мы находились в плену у фашистских бандитов. 65 дней озверелые гитлеровские псы, потерявшие человеческий облик, издевались, мучили и расстреливали ни в чем не повинных советских граждан.

Фашистские звери отобрали у нас всю одежду, белье, постели, кровати, деньги и даже детские вещи.

У 67-летнего старика Ровино Ашировича Шамилова убили жену. Сам он инвалид. На его руках осталось четверо сыновей: Юрик — 4 лет, Шура — 9 лет, Сема — 13 лет и Яша — 16 лет. И несмотря на его мольбы и слезы оставить сиротам хотя бы по одной лишней рубашонке, немцы забрали все: одеяла, подушки, кровать, теплую одежду, белье, чашки, ложки, оставив семью в одних лохмотьях. Мало того, эти звери приходили каждую ночь к нему в дом и, угрожая расстрелом, требовали деньги и другие ценности. Великое спасибо соседке, русской женщине Маковкиной Вере Кузьминичне, которая, рискуя собственной жизнью, отводила от нас этих громил, уверяя их, что в той комнате живут заразные больные.

У красноармейки З. Р. Шамиловой отобрали вместе с вещами последнюю буханку хлеба.

Применяя насилия и угрозы, немцы до нитки ограбили семьи евреев М. Т. Амировой, жены красноармейца, имеющей 6 детей, Н. Р. Давыдовой, Л. З. Ашурова, у которого 10 душ семьи, Т. Ш. Наваховой и многих других.

Во время грабежа немцы до полусмерти избили прикладом винтовки 72-летнего старика Айзика Ицковича Либман. Полторы недели лежал он в постели пластом.

Били, грабили, издевались над нами, заставляли выполнять непосильный труд, и все за то, что мы евреи, что мы советские граждане.

Таскать блоковые камни, чистить уборные, конюшни заставляли даже 10-летних детей и 80-летних стариков. Семе Шамилову и Савве Дигилову по 13 лет. Когда они, после 14-часового рабочего дня, не смогли поднять огромный мешок со свеклой, немцы избили их плетками и ру-

Жертвы фашистского террора у противотанкового рва
на подступах к Нальчику.

коятками револьверов так, что больше месяца были видны кровавые следы побоев.

Во время чистки конюшни 16-летний Яша Шамилов решил немножко передохнуть. Немец избил его за это плеткой, после чего все тело покрылось кровавыми рубцами.

Красноармейку Циву Пинхасову погнали на работу после тяжелой операции. Во время работы ей стало плохо. Тогда подошел один зверь в немецкой форме и изо всей силы ударил ее сапогом в спину.

На работу обычно выгоняли с 4 часов утра и не отпускали домой до 6—7 часов вечера. Многие не успевали захватить с собой даже куска черного хлеба.

Но и на этом не успокоились фашистские изверги. Вскоре они установили кровавый террор. Ежедневно стали забирать отдельных людей, целые семьи и увозить в неизвестном направлении. Только с приходом Красной Армии мы узнали, что они были зверски замучены. Так был убит Борис Нисонович Давыдов и его отец. 60-летнюю старушку Новид Мигировну Истахорову связали по рукам и ногам, как бревно бросили в грузовую машину, отвезли за город и там расстреляли. Семью Ифраимова, состоящую из 11 душ: 70-летней старушки Гугуш, ее дочерей: Нами — 30 лет и Руспо — 20 лет, невестки Зои — 23 лет и 6 мальчиков, внучат от 2 до 12 лет, ночью вывезли за город и всех расстреляли.

Смертью угрожали нам ежеминутно. Многие спасались в сараях, подвалах и щелях.

Горе великое было. И погибли бы все, если бы не наши родные герои, доблестные бойцы, наши красноармейцы под руководством великого вождя, нашего товарища Сталина.

Нет слов выразить нашу радость, когда мы увидели первых красноармейцев — наших спасителей.

Вечное проклятие немецкому фашизму, причинившему так много горя, слез и страданий нашему великому советскому народу. Не жалко и жизни отдать для того, чтобы окончательно уничтожить это зверье и освободить нашу родную землю от фашистских головорезов.

*Р. А. Шамилов, М. Т. Амирова, А. А. Шамилов,
В. К. Маковкина, Н. Р. Давыдова, Л. З. Ашуров,
Х. Т. Шамилова и другие.*

(„Кабардинская Правда“, 19 января 1943 г.)

В фашистском концлагере

Утро 5 января 1943 года. Догорают, подожженные безжалостной рукой, школа имени Пушкина, больница, полилиника и другие общественные здания гор. Прохладного. Немцы, сделав свое гнусное дело, торопливо покидают город.

Мы вылезаем из подвала. Скорее туда, в концлагерь, где томилась военнопленные, голодные, измученные люди, которых мы встречали на улицах, когда немцы гнали их на работу.

Концлагерь помещается на окраине города, за рекою. Мост взорван. Кое-как перебираемся через реку и идем к черняющим на снегу землянкам, обнесенным в два ряда колючей проволокой.

В тесных и грязных конурках, на гнилой соломе, одетые в лохмотья, лежат больные, мертвые...

Раненых переносим в помещение, где жил комендант лагеря.

Перевязываем гниющие раны. Медицинской помощи, по словам военнопленных, им никакой не оказывалось. Каждый день хоронили по несколько человек.

Иногда и раньше нам удавалось говорить с пленными. И по их рассказам, и по тому, что мы видели сами, можно установить, что жизнь попавшего за колючую проволоку немногим отличалась от жизни животного.

Кормили неочищенным просом, гнилой соей и иногда, как исключение, давали горсть семечек. Все это в порциях, которых мало и ребенку. Работать заставляли не по силам. А если исхудалый, еле стоящий на ногах от слабости красноармеец протянет руку за куском хлеба, сунутым кем-нибудь из жителей, когда пленных гонят на работу, немец зло орет на него по-своему и безжалостно бьет прикладом.

Били пленных много и по любому поводу. Однажды,

помню, был такой случай. Я проходила мимо немецкого госпиталя, когда туда привезли много раненых. Носить их заставили пленных красноармейцев. И вот офицеру показалось, что одни носилки сняли с машины недостаточно осторожно. Он долго наотмашь бил по лицу еле державшегося на ногах, качающегося от слабости пленного.

Сейчас, когда Красная Армия освободила наш город от немецко-фашистских банд, пленным оказана медицинская помощь. Они с нетерпением ждут выздоровления, они рвутся на фронт, чтобы скорее отомстить за муки и издевательства, перенесенные в фашистском застенке.

Н. Пономарева.

(„Кабардинская Правда“, 9 февраля 1943 г.)

Жертвы фашистского террора

На подступах к Нальчику тянется противотанковый ров. Немские палачи избрали его местом расправы с мирным населением. Здесь казнены германскими извергами более 600 человек. Ров доверху заполнен истерзанными трупами мужчин, женщин, стариков, детей.

Вот лежит русская женщина. Она крепко прижала к груди 7—8-месячного сына. Держит его за ножки, один пальчик потерял, головка раскрыта. Мать обхватом руки как бы хочет спасти, согреть ребенка от зимней стужи, уберечь от фашистских пуль...

Здесь же лежит высокая, молодая женщина. К груди ее привязаны большим кавказским платком двое малышей-близнецов 6—7 месяцев.

А сколько ужаса в открытых глазах 7-летнего кабардинского мальчика, поднявшего над головой ручонки с растопыренными пальчиками, как бы отталкивающими немских палачей.

Немодно уничтожая советский народ, немцы не останавливались ни перед чем. Их не трогали душераздирающие крики детей и их матерей, просящих пощады для малютки. У них нет сердца. Они спокойно расстреливали группу за группой.

Мастера кровавых дел четко выполняли приказ своего обер-бандита Гитлера—уничтожать советский народ. И они уничтожали.

Вот в глубоком противотанковом рву еще одна страшная могила. Здесь расстрелян Петр Васильевич Андреев, заместитель наркома здравоохранения Кабардинской республики. Здесь же погиб 28-летний врач поликлиники, непартийный большевик, Василий Герасимович Тищенко. Работая он, не покладая рук. Чуткий, отзывчивый, быстро завоевал любовь всего коллектива поликлиники.

Рядом лежали трупы 57-летнего Михаила Борисовича

Зусмана, заведующего городской аптекой, 40-летнего Георгия Ивановича Федорова, заместителя директора кондитерской фабрики. Когда его вызвали в гестапо, Варвара Гавриловна, его жена, не верила, что он не вернется больше. Ведь он не коммунист,—рассуждала она. 12 лет он добросовестно работал на кондитерской фабрике механиком, а затем был заместителем директора. Не за что его уничтожать. Он только честный советский труженик. Но немцы уничтожали честных тружеников. Они знали, что честные советские труженики нашей Родины никогда не станут на колени перед немецкими поработителями, никогда не будут их рабами.

Ров стал могилой всей семьи одного из ведущих артистов Нальчикского театра тов. Посадова-Тишкова, его жены Веры Алексеевны Светозаровой и их 9-летнего сына.

Здесь же нашли двух сестер-тружениц: 67-летнюю Юлию Григорьевну Шенкман и 65-летнюю Веру Григорьевну Мерейно. Обе они работали в Нальчикской поликлинике: Юлия Григорьевна—сестрой, а Вера Григорьевна зубным врачом. Всю свою жизнь они лечили людей. Им предлагали пенсию, но несмотря на старость и болезнь, обе от нее отказались. „Мы еще можем приносить пользу народу, мы еще можем работать“,—говорили они. И в дни Отечественной войны работали по полторы-две смены подряд. В одном белье нашли их трупы.

Тело старейшего наборщика типографии 57-летнего Ивана Максимовича Гравшенко было покрыто зияющими ранами ожогов. Средневековые пытки перенес славный сын нашей Родины. Работал он в типографии до последнего момента.

Не забудет народ всех, кто стал жертвой гитлеровских людоедов, кто пролил кровь и отдал жизнь, как честные сыны и дочери нашей Родины.

Сжались кулаки народов Кабардинской республики. Засверкали глаза великой ненавистью. Отомстить, отомстить за все—страшным шопотом передавалось из уст в уста над могилами погибших. И народ мстит, воздает немецким бандитам по заслугам. Гонит родная Красная Армия, гонит зверье со своей священной земли, тысячами уничтожая гитлеровских палачей.

М. Дзюба.

(„Кабардинская Правда“, 5 февраля 1943 г.)

Немцы ответят за свои преступления

Наши войска, ломая жестокое сопротивление врага, идут на Берлин. И в эти знаменательные дни, дни кануна полной победы, невольно вспоминается период бандитского нападения немцев на нашу Родину, на Северный Кавказ, период чудовищных злодеяний фашистских палачей в Кабарде.

Они ворвались в наш дом, чванливые и самоуверенные. Они жгли наших людей на кострах и приговаривали: „Мы несем вам свободу“. Они взрывали наши города и села и при этом дико орали: „Мы, немцы, насаждаем новый порядок“.

Каждый немецкий хлюпик считал себя богом: он требовал, чтобы на него молились. В его „арийской“ черепной коробке, наспигованной примитивной идеей „сверхчеловека“, помещался аккуратно разработанный план „мирового господства“.

С этим планом он и очутился в предгорьях Кавказа. Он пришел к горцам с лозунгами „освобождения мусульман от большевизма“. Тупой и нахальный, он возомнил себя благодетелем кавказского народа, „посланником пророка Магомета“. Его лесть была фальшивой и грубой. Горцы врага встретили ненавистью и пулей. Не помогла фальшивая реклама. Скоро „сверхчеловек“, рядившийся в овечью шкуру, предстал перед народами Кавказа в том виде, в каком его породил Гитлер: дикарь с автоматом для убийств и с факелом для поджогов.

Пройдут годы. Горькой полынью зарастут могилы фашистских мерзавцев. Мир избавится от кошмара, каким является немец-оккупант. Но никогда человечество не забудет гнусные дела, учиненные им на нашей земле. И народы Кавказа, так же, как и все советские люди, навеки проклянут ненавистное имя немца-„освободителя“, убив-

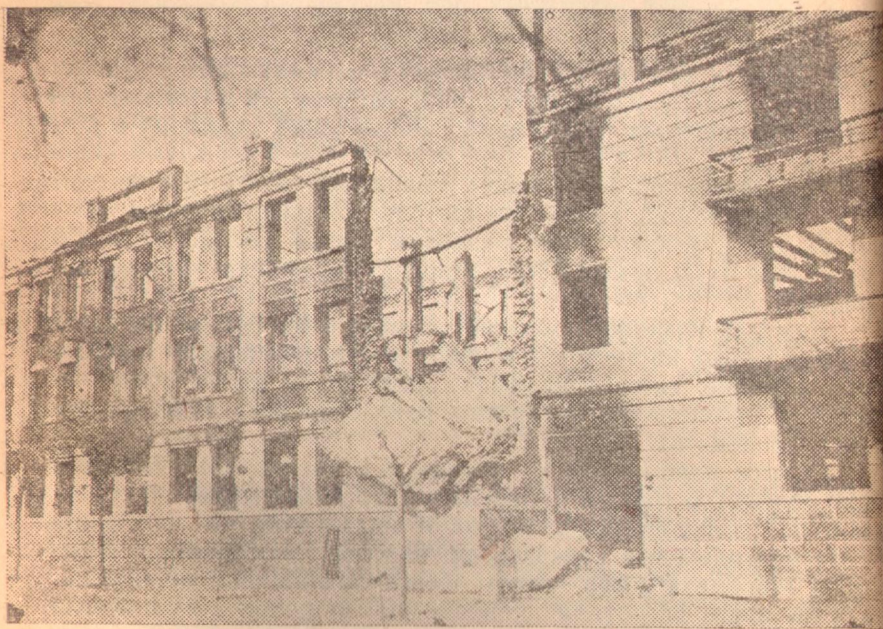

шего сотни, тысячи тружеников Кавказа за то, что они не захотели стать на колени.

Шестьдесят пять черных дней и ночей пережил Нальчик и более пяти месяцев—некоторые села республики.

Много слез и горя видела земля Кабарды при немецкой неволе, много раз оглашались наши поля стоном честных людей, ведомых гитлеровскими убийцами на расстрел.

Более четырех тысяч жизней... Более четырех тысяч замученных, расстрелянных и просто удушенных жителей Нальчика, Муртазова, Прохладного, Жемталы и многих других сел. Разве забудешь такое?

Взорванное здание Наркомзема КАССР.
Нальчик, Кабардинская, 13.

Словно сейчас, видишь душераздирающую картину: согбенный седой кабардинец, лет шестидесяти, ходит с палкой по противотанковому рву, где лежат сотни жертв дикой оргии палачей. Старик тихо передвигается с помощью палки и беспрестанно твердит: „Милые, милые мои внучата, где же вы? Где же вы?“ Он ходит долго, он не плачет,

глаза сухие, но нечеловеческой болью страдает его душа, растоптанная грубо и безжалостно. Вдруг он останавливается у одной кучи трупов, окоченевших на холоде. Потом вытаращенными, безумными глазами смотрит на трупы, всплескивает руками и страшным в своей неожиданности голосом кричит: „Вот они, мои милые дети!“ Он обнимает, целует трупы двух девочек: одной из них было лет пять, другой—семь. Рядом с ними—труп матери их.

Кудрявые, черноволосые дети. Еще недавно они смеялись беззаботным смехом, а сегодня они мертвы, и никогда больше не повиснут на шею матери и не будут обласканы ею.

Это сделал немец.

Стон и плач оглашали степь. Люди из Нальчика, Псыгансу, Чегема осторожно укладывали трупы своих близких. И вот по широким ровным дорогам во все концы республики потянулись длинные траурные процессии—итог „цивилизаторской“, „освободительной“ миссии немецкого племени. Вот он, „новый порядок“ дикарей и людоедов, ввергнувших мир в пучину страданий и слез! Вот она, проклятая всем миром немецкая раса—с морем крови, с убийствами и садизмом бешеного зверя!

Гитлеровские мерзавцы—враги всех советских людей, независимо от их национальности и вероисповедания.

Немец, вошеносец и куроед, считает себя идеалом. Он не щадит ни старость, ни юность. Убить беззащитного мирного советского человека у этой сволочи считается „высшей военной доблестью“. В их руки попала партизанка, верная дочь советского народа, ново-ивановская девушка Шура Козуб. Немцы ее повесили, предварительно поиздевавшись над ней. Они хотели этим варварским актом заставить других советских людей просить у этих негодяев пощады. Не вышло! Бешеного зверя не просят, его раздавливают. Гитлеровцы будут раздавлены за все мерзости, учиненные ими на советской земле.

Гитлеровские людоеды рязились в тогу „защитников“ мусульманской религии. Они старались подладиться к мусульманским народностям. Они льстили им. Но их „практика“, практика подлецов, выдала их с головой. В противотанковом рву в Нальчике был найден труп эфенди Дебагова Хамида из Вольного Аула.

В Малке, Старом Черее и в других наших селениях немецкие „носители прогресса“ в мечетях устраивали коюшны и гаражи.

Кто поверит после этого глупой сказке о „добрых“ чувствах немца к мусульманам и к их религии? Не ясно ли, что немец—враг всех свободолюбивых народов, а шарлатанская „философия“ его об „уважении“ мусульман была рассчитана на дурачков.

В селении Верхний Курп немецкие бандиты на глазах родителей насиловали их дочерей. Кто тот иуда, который осмелится после этого объявить немца носителем культуры и свободы для кавказских народов? Только буржуазные националисты, подлые фашистские приспешники, выдававшие и казнившие вместе с немцами советских людей, могут говорить это. Но этим мерзавцам никто не поверит.

Сколько честных тружеников советской земли замучено гитлеровскими убийцами! Старый работник аптеки города Налчика Михаил Борисович Зусман, старейший наборщик типографии Иван Максимович Гравшенко, сестры Мерейно—Юлия и Вера, механик кондитерской фабрики Георгий Иванович Федоров, врачи Василий Герасимович Тищенко и Петр Васильевич Андреев, артист Посадов с женой и сыном, — разве перечислишь все факты изуверства подлой „расы господ“?

Гитлеровцы не только истребляли лучших советских людей. Они разрушили, сожгли, увезли, растоптали коваными сапогами все, что было создано и построено руками этих людей.

Какой святыней, каким дорогим сердцу местом духовного роста нальчикских детей был Дворец пионеров! На фронте сейчас сотни юношей, сражающихся за Родину, с любовью вспоминают счастливые дни детства и отрочества в этом, некогда великолепном здании. Теперь нет этого здания. Есть руины.

Это дело рук немцев.

Нальчане помнят дни, когда в первых числах января 1943 года над городом полыхало яркое зарево пожаров. Это немецкие вандалы подожгли сто семнадцать лучших зданий Налчика: театр, гостиницы, школы, кинотеатр, больницы, санатории, поликлинику, правительственные учреждения, жилые дома и многое другое.

Гитлеровцы, которые много кричали об исключительности немецкой расы, о ее „высокой“ культуре, разоблачили себя перед всем миром.

Мы многое пережили. Мы потеряли немало. Немец убил тысячи наших братьев, сестер. Но он не смог и никогда

не сможет убить в нас то, чем мы жили и живем: веры в себя, в свой народ, в нашу победу.

Все делал немец, чтобы поссорить народы нашей страны между собой. Но он не знал и не знает, что все народности советской страны дышат одним: любовью к своей отчизне, к своей земле.

Кабардинский народ глубоко благодарен великому русскому народу, Красной Армии и ее гениальному полководцу товарищу Сталину за освобождение от немецких оккупантов.

Мы не забудем и не простим фашистских злодеяний. За все ответит подлый немец.

Красная Армия наступает. Близится час, когда над Берлином будет водружено знамя победы.

Пройдут годы, десятилетия, столетия, и наши потомки скажут: честь и слава нашим предкам сороковых годов двадцатого века, пронесшим сквозь строй кровавых преступлений знамя свободы и человеческого счастья!

Честь и слава вождю мужества и бессмертия народа Иосифу Сталину!

К. Цавкилов.

(„Кабардинская Правда“, 4 февраля 1945 г.)

Зверства, зовущие к мести

Совсем еще недавно здесь жизнь была ключом. Кто не помнит широкие многолюдные улицы с двухэтажными домами этого села-красавца? Кто не знал сказочные богатства этого колхоза-миллионера? Кто не видел его людей—деловитых, трудолюбивых и радостных, кто не слышал по вечерам звонких задушевных песен ново-ивановских девушек и ребят?

Не то теперь. Страдание и слезы в каждом доме.

* * *

Наша машина остановилась около колхозного клуба. Здесь много женщин и детей рассматривают сложенные в кучи цилиндры немецких снарядов, ящики, изуродованные остатки вооружения и снаряжения немцев.

Чтобы познакомиться с „деятельностью“ оккупантов, нам не пришлось к кому-либо специально обращаться, искать пострадавших и компетентных людей. Тут же на улице женщины и дети начали нам рассказывать о пережитом.

— Немного хозяйничали у нас фашистские изверги. А сколько мы пережили! Пусть будут прокляты эти звери,—говорят колхозницы Ватулина Меланья и Смаль Мария.—Раньше, бывало, с трудом верилось, что люди, желающие завоевать весь мир, тащат кухонную посуду, гоняются за курами, сами бегают в курятник за яйцами, доят коров, убивают детей и насилуют женщин. Теперь мы все это видели своими глазами.

Вот мы на квартире у колхозницы Сорокиной А. Ф. Трудно поверить, что здесь совсем недавно еще жили люди: полы всех комнат сняты немцами „для военных нужд“, половина одной из стен снесена снарядом; немцы разрушили печи, превратившиеся в груду кирпичей. Вокруг нас

стоят босые дети в рваных штанишках: немцы забрали всю обувь и одежду детей. Вдобавок ко всему они забрали у Сорокиной одеяло, несколько простыней и ботинки мужа.

У другой колхозницы — Поляк Нины забрали два куска мыла, сорочки, платья, полотенце, две простыни, несколько катушек ниток и женские чулки.

Колхозница Оскаленко М. И. рассказывает:

— Они, черти окайнные, целыми часами гонялись за курами. Когда не удавалось поймать — стреляли в кур из пистолета. Вот только уцелел „герой“, — указала она пальцем на скучавшего во дворе петуха. Немецкий солдат около часу гонялся за ним, но безрезультатно. У этой же колхозницы немцы угнали двух бычков, которых она откармливала к приезду сыновей из Красной Армии, выкопали всю картошку в огороде и забрали кухонную посуду.

У колхозников Гуденко и Федорущенко зарезали свиней. У колхозницы Савичевой Ксении фашистский унтер-офицер Швайнберг отобрал: зимнее мужское пальто, женское пальто, три одеяла, три пары галош, кастрюли, дамское белье, чулки и другие вещи. В походном дыму, среди трупов и народного горя фашистский обер-бандит тут же запакował „трофеи“ и отправил в Германию.

Грабительские инстинкты „арийцев“ иногда доходили до комизма. Так, например, колхозницы наотрез отказались доить коров и поить фрицев молоком. Тогда два солдата брали корову за рога, а третий неумело выдавливал молоко из сосков коровы.

От немцев колхозницы прятали яйца. Но фрицу нужны витамины, и он идет в курятник, ожидает, когда курица снесет яйцо.

Вздумается фрицу послать подарки какой-нибудь Грэтхен из Берлина или Гамбурга, и он тянет платье, чулки, панталоны, пудру, губную помаду и медные тазы. Отбирая эти вещи у гражданки Крутовой Н. В., немецкий офицер издевался над ней, заявляя: „Ваш женщин грязны“. Тов. Крутова в течение нескольких суток скрывалась от немцев в грязном подвале. И теперь немецкому прохвосту она показалась слишком грязной.

Нет унижений и насилий, которые бы ни чинили немецкие насильники над женщинами и детьми. Об этих насилиях рассказала нам Сирота Софья в присутствии детей, родственников и соседей.

Как и всем женщинам и девушкам, колхознице Сирота немецкий офицер предложил выйти из щели и жарить ку-

рицу и картошку. В одной руке офицер держал курицу с оторванной головой, в другой—пистолет. Плачущие дети прижались к груди матери, не желая расставаться с ней. Офицер настоял на своем. Сирота С. изжарила курицу.

После того, как офицер наелся и напился, он предложил принести себе одеяло и чистую простыню для ночлега. Когда и это было исполнено, негодай схватил руку Сирота и предложил ей лечь с ним.

— Негодай, как тебе не стыдно, сволочь! Я же старуха, у меня дети.—С этими словами она вырвала руку и выбежала из комнаты.

Спустя полчаса, офицер с электрическим фонарем и пистолетом в руках явился в шель. Он пристально рассматривал лица. Кроме четверых детей и двух старушек здесь никого не оказалось. Офицер придвинул фонарь к лицу старухи У.

— Сколько тебе лет?—спросил ее офицер.

Женщина ответила, что ей 54 года.

— Ничего,—заявил прохвост и в присутствии детей изнасиловал старуху.

По бледному худому лицу старухи градом катились слезы, когда она рассказывала нам о диких насилиях и надругательстве над ее материнской честью.

За короткий период своего хозяйничания немцы оставили о себе кровавую славу. Здесь они сожгли трех раненых красноармейцев, а шестерых после страшных пыток убили.

Очевидцы рассказывают, что один из пленных был тяжело ранен. Он лежал около плетня во дворе у гражданок Ватулиной Меланьи и Смаль Марии. Немецкий солдат подошел к нему, взял за воротник, поднял и поставил вертикально, в качестве мишени. Несколькими очередями из автомата он был изрешечен. Свою жертву немецкие солдаты бросили в небольшую яму, грудь забросали землей, а голову и ноги оставили открытыми. Неубранными оставались тела и остальных мучеников до тех пор, пока сами колхозницы не похоронили их в братской могиле тут же, у себя во дворе.

Еще более кровавая трагедия разыгралась 27 августа 1942 года. Опьяненные людской кровью, палачи расстреляли из автоматов двух малолетних ребят. Фашистские душегубы убили сотни детей, они упивались детскими страданиями.

Вот что говорится в акте, подписанном свидетелями —

колхозниками Котовой, Уценко, Поповым и представителями военного командования:

„Расстрел детей происходил издевательски. Немцы поставили их к забору и тренировались в стрельбе по ним, как по мишеням. Затем трупы детей были выброшены на улицу. Палачи не разрешили родным убрать и похоронить трупы“.

Советские люди! Вдумайтесь в эту трагедию! Представьте себе обезумевших матерей, в присутствии которых представленные к забору маленькие жертвы кричали последние детские слова: „Мама, мамочка, спаси!“.

Представьте маленькие трупы детей, выброшенные на большую улицу и смешанные с кровью и пылью.

Помните, что эти злодеяния зовут к мести, к кровавой мести фашистским палачам.

Б. Кабалоев.

(„Кабардинская Правда“, 16 сентября 1942 г.)

Лагерь смерти

А К Т

1 июля 1943 года.

Мы, нижеподписавшиеся, Филипенко Дмитрий Калинович, начальник РО НКГБ Семькин Александр Константинович, врач Бруцкий Михаил Федорович, депутат исполкома Прималкинского райсовета депутатов трудящихся Романенко Тимофей Михайлович, партизанка Буцкая Ольга Сидоровна, в присутствии граждан селения Прималка Сахаровой Анфисы Николаевны, Близнюк Нины Власовны, Дьяченко Павла Петровича, Кондюк Леонида Васильевича, Кулик Ольги Карповны, Сукина Максима Макаровича, Рѣжковой Марии Ивановны и Кабыно Ульяны Степановны, составили настоящий акт о злодеяниях, издевательствах и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими военнопленными в концлагере, расположенном в Прималкинском районе, Кабардинской АССР, на территории мелькомбината в селении Прималка. Установлено:

— На территории мелькомбината немецкими оккупантами был организован лагерь советских военнопленных, обнесен в несколько рядов колючей проволокой. Вследствие чрезмерной тесноты и недостатка питания, отсутствия постельных принадлежностей, вид советских военнопленных был совсем не похож на живых людей.

Военнопленные валялись на земле, вместо постели была солома, которая никогда не менялась. Все обмундирование военнопленных заменялось худшим, смены белья не производилось.

В лагерь поступали и раненые советские бойцы, которые находились при таком же строгом режиме, их оставляли без медицинского осмотра и помощи.

Военнопленные подвергались избиениям палками и плетью, независимо от состояния здоровья. Зимой под конвоем их водили группами полураздетыми на тяжелые работы. Они работали по 15 часов в сутки.

— Хлеб выдавался военнопленным очень редко и то по 100 граммов. Пищей являлись сырые кочаны кукурузы, шелуха от проса и барда, свекла и жмых. Жители ближних сел приносили продукты для военнопленных, но начальством лагеря запрещалась всякая передача. Если кто из пленных пытался говорить через три-четыре ряда колючей проволоки с кем-либо из населения, то его избивали прикладами, плетью и палками. Но все же, как рассказывают очевидцы, некоторым из жителей укрادкой удавалось перебрасывать в зону лагеря куски хлеба, которые быстро расхватывались советскими военнопленными.

Лагерь советских военнопленных на территории мелькомбината существовал свыше четырех месяцев, т. е. с 1 сентября 1942 года по 4 января 1943 года. Вследствие необычайно тяжелого режима, отсутствия минимальных санитарных условий, от голода, холода и от зверских пыток 5 января 1943 года, в день освобождения Красной Армией селения Прималка, найдено 1976 трупов советских военнопленных, из них 150 незарытых трупов, пристреленных немцами при отступлении.

Как установлено комиссией, трупы замученных и расстрелянных советских военнопленных находились продолжительное время вместе с еще живыми военнопленными, подвергались разложению и сносились самими военнопленными в общие ямы.

Виновными в гибели 1976 советских военнопленных являются начальство и его комендант — немецкий офицер, фамилия которого комиссией не установлена. Эти лица будут установлены и понесут суровую кару.

Следуют подписи.

(„Кабардинская Правда“, 28 декабря 1943 г.)

Убийцы детей

В камеру вошли немецкий офицер и несколько солдат.
— Встать! — скомандовал фашист и осветил камеру электрофонарем.

На полу сидели и лежали жертвы гестапо. Здесь были женщины, дети различного возраста и мужчины.

— Встать! — еще раз крикнул фашист.

Люди зашевелились и с трудом поднялись. Несколько дней, проведенных за стеной фашистской тюрьмы, сделали людей неузнаваемыми. Искалеченные пытками, они еле походили на живых.

Молодая женщина едва стояла на ногах. Она с ребенком уже несколько дней сидела в этом подвале, измученная и голодная. Мать прижала к груди восьмимесячного сына. Стараясь согреть ребенка, она не переставала дышать на его ручонки. Когда ребенок увидал в руках офицера фонарь, с детской радостью его ручонки потянулись к свету. Бандит не знал различия возраста, он ударил ребенка по протянутым ручкам. Ребенок закатился обиженным детским плачем.

— Выходи все, — скомандовал фашист. А всех было здесь 27 человек, ни в чем не повинных советских людей, жителей Нальчикского района. Среди них было восемь малолетних детей.

Какое можно было предъявить обвинение восьмимесячному ребенку? За что заслуживали наказание малютки? Десять, восемь, пять и три года — вот возраст других заключенных детей.

Крытая черная машина шла по улицам Нальчика. Никто не мог подумать, что в ней сидят двадцать семь обреченных жертв.

Смертников вывели из машины и поставили на край противотанкового рва. Детей поставили отдельно, не обра-

шая внимания на их слезы. Дети жались друг к другу. Женщина с ребенком стояла, прижимая к груди свою крошку. Трехлетняя девочка подбежала к матери, уцепилась за ее платье, и никакая сила не могла оторвать эти ручки от матери.

Каждая мать, стоявшая на краю могилы, знала близость своей смерти, но они не думали о ней. Мысли были одни: пусть смерть нам, но зачем лишать жизни ребенка. Ребенок должен жить.

Неужели они станут стрелять в детей?

Фашист, наверное, чувствовал это и решил совершить попытку.

— Вы должны умереть, — сказал он, обращаясь к обреченным. — Дети пусть идут домой, дети должны жить. Мы их не убиваем. Пусть старший из них ведет их домой, сейчас уже видно.

Невольная радость появилась на лицах несчастных.

— Идите домой, — сказали женщины, каждая своему ребенку. Дети не хотели уходить и плакали.

— Пойдем и ты, мама, — говорила девочка, — мне холодно, мама, пойдем.

Офицер подошел к детям.

— Идите домой, мамы сейчас придут!

Дети не шли.

— Идите и вы с ними, — сказал офицер, указывая на женщину с ребенком. Дети пошли за женщиной. Вдох облегчения вырвался из груди несчастных. „Они будут жить“, — глядя вслед уходившим, сквозь слезы говорили женщины. Дети шли вдоль огромного рва, спотыкаясь. От голода у них нехватало силы бежать от этой страшной могилы. „Свободны, свободны,“ — шептала молодая женщина, прижимая к груди своего ребенка и увлекая остальных детей. Но им не пришлось далеко идти.

— Смирно, — скомандовал фашист стоявшим у могилы. Люди стояли не шевелясь, чувствуя свою гибель. Глаза не отрывались от уходивших детей. Раздался залп автоматной очереди. Никто не упал из стоявших у могилы. Как подкошенные, свалились „освобожденные“ крошки и женщина с ребенком. Ужас охватил несчастных, когда они поняли бандитскую насмешку. Дети отошли недалеко и теперь хорошо было видно, как они, окровавленные, валялись на снегу.

Фашисты стреляли им в спину, и грудной ребенок остался жив. Мать уронила его, и теперь он полз по

мертвой матери, купаясь в ее крови. Он тоже был весь в крови и с плачем протягивал ручки к людям.

Женщины невольно рванулись к убитым детям, но очередь из автомата остановила всех. Как подкошенные, они свалились в ров. Несколько гитлеровцев подошли к убитым детям. Ребенок протянул ручки к фашистам. Один из бандитов схватил его и бросил в ров. Другие побросали остальных детей и быстро закидали их землей.

Никогда не простит советский народ этого зверства. Никогда не забыть жителям Нальчика этого ужасного кладбища, где погибло столько лучших людей, где живыми закапывались младенцы. Смерть вам, разбойники из гитлеровской банды!

К. Гришина.

(„Кабардинская Правда“, 11 апреля 1943 г.)

Зверства немцев в Нальчике

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, председатель исполкома Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся Гобедашвили Илья Васильевич, заведующий Нальчикским горздравом врач Паперный Яков Борисович, юрисконсульт Совнаркома КАССР юрист Панов Николай Александрович, учительница школы № 3 гор. Нальчика Ханова Соломия Ефремовна и декан естественного факультета Кабардинского пединститута кандидат наук Савченко Мефодий Ефремович, составили настоящий акт 15 февраля 1943 года о нижеследующем:

После занятия города Нальчика немецко-фашистскими войсками германское командование проводило массовое истребление мирных жителей города, расстрелы женщин, стариков и детей.

Все зверства, убийства и пытки над мирными гражданами города Нальчика производились отделением германского гестапо, командой СД-10, отрядом жандармерии и военной комендатурой. Начальником команды СД-10 был майор Шифман, командиром отряда жандармерии — обер-лейтенант Шепс и комендантом города — Маннэ.

По указанию гитлеровских властей все население города должно было являться на регистрацию. На пунктах регистрации гестаповцы составляли списки лиц, подлежащих аресту, а затем и расстрелу.

В первые же дни своего пребывания в городе гестаповцы произвели массовые аресты мужчин, женщин, стариков и детей. Тюрьмы были забиты арестованными. Во многих камерах вместе с мужчинами находились женщины и дети самых различных возрастов — от грудного до подростков.

Каждую ночь гитлеровцы устраивали пытки и избиения арестованных. Часто люди с допроса не возвращались, их сажали в машину и увозили на расстрел. Местом расстрела мирных жителей города немецкое командование избрало противотанковый ров, находящийся на подступах к городу.

После изгнания немецко-фашистских войск из города частями Красной Армии и населением было обнаружено это страшное кладбище. Родственники и знакомые, жители города и селений Кабарды нашли на этом месте замученными, истерзанными и убитыми более 600 человек. В том числе были найдены трупы: врача городской больницы Тищенко Василия Герасимовича—28 лет, механика кондитерской фабрики Федорова Георгия Ивановича—40 лет, заместителя наркома здравоохранения КАССР Андреева Петра Васильевича, председателя колхоза селения Кенже Блянихова Темиркана Хакяшевича, заведующего городской аптекой Зусмана Михаила Борисовича—57 лет, двух сестер: Веры Григорьевны Мерейно—65 лет и Юлии Григорьевны Шенкман—67 лет, директора кожевенного завода Андрусенко Николая Петровича, рабочего типографии Гравшенко Ивана Максимовича—57 лет, и многих других.

Перед расстрелом гестаповцы подвергали свои жертвы страшным пыткам—отрезали части тела, выкалывали глаза, вырывали волосы и т. д. Пытая девушку Зурят Асхадовну Тхамокову, ей выкололи глаз, а потом расстреляли. Во рву лежали трупы 11 человек из семьи Ифраимова—70-летняя Гогош, ее дочери Нами—30 лет и Руспо—20 лет, невестка Зоя—23 лет, 6 мальчиков в возрасте от 2 до 12 лет. Тут же была найдена семья артиста городского театра Посадова-Тишкова, состоящая из трех человек.

Был найден труп грудного ребенка, простреленного несколькими пулями, лежащий на груди неизвестной женщины. Возле женщины было шесть детей, в том числе Буба и Тан Татаровы из селения Кенже, Нальчикского района.

Жестокую расправу гестаповцы учинили над Майсурадзе Евгенией—30 лет и ее сыном Вилей—10 лет: на глазах матери палачи отрезали мальчику уши, нос, затем отрубили руки и ноги и уже потом расстреляли мать, предварительно вывернув у нее руки и выколов глаза.

В противотанковом рву было найдено более 50 трупов советских военнопленных и раненых красноармейцев, воз-

ле которых находились костыли, гипсовые повязки. Фамилии и имена расстрелянных установить не удалось.

Кровь наших отцов и братьев, жен и сестер, детей и стариков требует мщения. Мы требуем сурового возмездия бандитам за все их чудовищные злодеяния.

Следуют подписи.

(„Кабардинская Правда“, 28 декабря 1943 г.)

На минном поле

(Рассказ очевидца)

Однажды мы с подругой шли к сел. Черная Речка. Это селение находится в нескольких километрах от Пальчика. Не доходя до селения, мы увидели на грейдере немецкую машину. Машина стояла, возле нее было двое немцев. Повидимому, они чего-то здесь ожидали. Впереди нас ехала бричка, запряженная парой быков. На бричке сидело несколько кабардинцев—мужчин и женщин. Одна женщина держала на руках ребенка. Когда бричка поровнялась с машиной, немец приказал свернуть вправо, ближе к речке. Люди, ничего не подозревая, свернули на указанный путь.

Немцы искали мины, но, чтобы не пострадать самим, решили направлять на это место проезжающих жителей.

Быки шли медленным шагом. Немцы выразили нетерпение.

— Скорей проезжай,—закричал один на сидящих в бричке.

Кабардинец-старик подогнал быков. Бежать быки не могли—бричка была полна народу. Хозяину не пришлось еще раз погонять их. Один бык наступил на мину. Оглушительный взрыв... и все полетело в воздух. Искалеченные люди валялись теперь вокруг убитых изуродованных быков.

...Из селения шла еще одна бричка. На ней было двое мужчин и одна женщина. Девочка-кабардинка лет 15 шла сзади нас. Теперь она догнала нас и стояла вместе с нами. Слезы катились по ее девичьему личику. Убитые люди не были ей знакомы. Но она плакала, плакала за судьбу несчастных людей, ни за что погибших. Ее молодое девичье сердце не могло без слез перенести эту ужасную картину.

Бричка из селения подъезжала к нам. Люди ничего не знали, что произошло здесь несколько минут назад. Им был только слышен взрыв мины. Немцы остановили бричку.

— Слушай, — сказал один, обращаясь к мужчине. — Вон лежат убитые быки. Они нечаянно сейчас наскочили на мину. Ты не бойся, езжай и заberi мясо.

— Нам не нужно мяса, — сказал мужчина.

— Как не нужно? У тебя есть много мяса дома? — не отставал от него немец.

Женщина испугалась. Она мыслила так, что если они не возьмут от убитых быков мясо, немцы подумают, что у них много своего, придут и заберут все, что есть в доме.

— Поедем, возьмем немного, — сказала она мужчинам.

— Да у нас с собой нет и топора, чем будем рубить? Всего ведь не заберешь.

Немец быстро поискал в машине и подал мужчине топор. Люди подъехали к убитым быкам, отрубили мясо, положили на бричку и уже хотели проехать там, где и подъезжали. Но немец скомандовал, чтобы они свернули еще ближе к речке и тогда только завернули бы на грейдер.

Люди, как и убитые прежде, ничего не подозревая, поехали на указанный путь. Я чувствовала, что немцы еще раз хотят испытать минное поле на этих людях.

— Не надо туда! — вдруг закричала девочка-кабардинка.

Немец обернулся и выстрелил в упор в нее. Люди услышали крик, но было уже поздно. Бричка наехала на мину. Снова оглушительный взрыв, и все полетело в воздух. Женщину разорвало пополам, один мужчина, повидимому, был еще жив, но помочь ему было невозможно. Немец прицелился, и раненый прекратил жизнь.

Немцы скомандовали нам, чтобы мы никуда с места не уходили, и мы теперь стояли, ожидая, что будет с нами. Молодое невинное личико девочки выражало застывший испуг и ужас. Она была мертва. Кровь текла из ее груди, ее черные косы теперь купались в этой кровавой луже.

За что? За что вы сделали это, звери? За что заставили замолчать молодое сердце, только начавшее жить?

Но им было безразлично, они спокойно стояли возле машины и курили.

Нам не разрешали никуда уходить. Подъехала к ним легковая машина, из нее вышел офицер, о чем-то поговорил, сел в машину и уехал.

Немцы достали из машины какой-то аппарат и пошли к речке.

Не успели они пройти несколько шагов, как сзади них разорвалась мина—и одного не стало, другому оторвало обе ноги.

— Так им и надо. Собаке собачья смерть!— сказала моя подруга Наташа. Мы были свободны! Немец был еще живой, но мы поспешили уйти скорее от этого места, никому ничего не говоря.

Мы не пошли в селение, а пошли обратно в Нальчик. Мы пришли домой и ничего не говорили. На вопросы матери, почему мы вернулись, Наташа сказала, что не хотели идти, решили вернуться.

Вот как эти „гуманные арийцы“ разряжают минное поле.

К. Гришина.

(„Кабардинская Правда“, 16 марта 1943 г.)

Карательный отряд гестаповцев в селе Пролетарском

А К Т

24 августа 1943 года. Село Пролетарское, Прохладненского района, Кабардинской АССР.

Мы, нижеподписавшиеся, председатель исполкома Прохладненского районного Совета депутатов трудящихся Грицай Петр Павлович, секретарь исполкома райсовета Матенко Герасим Романович, заведующий общим отделом Прохладненского горисполкома Литвинов Николай Сидорович, председатель сельского совета села Пролетарского Юдицкий Андрей Николаевич, директор школы села Пролетарского Феофилов Константин Павлович, врач гор. Прохладного Вертепова Евгения Ивановна, колхозница колхоза „Пролетарий“ Диброва Пелагея Никифоровна и колхозница колхоза „Пролетарий“ Чумакова Ольга Васильевна, составили настоящий акт о нижеследующем:

Во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками Прохладненского района, 31 августа 1942 года явился в село Пролетарское, Прохладненского района, отряд гестаповцев в количестве 40 человек, вооруженных автоматами. Вскоре этот отряд гестаповцев арестовал 14 граждан: Диброва Василия Андреевича—68 лет, его сына Диброва Илью Васильевича—16 лет, Лущенко Андрея Васильевича—65 лет, Диброва Петра Васильевича—35 лет, Чумак Дмитрия Ефимовича—54 лет, Смогарь Гавриила Ивановича—51 года, его сына Смогарь Григория Гавриловича—16 лет и временно находившихся в селе жителей станицы Приближней, Прохладненского района, Складчикова Тараса Михайловича—38 лет, Сиротинцева Ивана Трофимовича—39 лет, граждан станицы Ищерской, Ставропольского края, Силифанова

Михаила—25 лет и еще четырех граждан, фамилии которых не установлены.

Всех арестованных гестаповцы согнали в один двор. Сюда же под угрозой расстрела было согнано все население села.

Оставив всех граждан во дворе, гестаповцы отогнали арестованных на огород и учинили там допрос, пытаясь узнать местонахождение партизан. Не добившись никаких результатов, гестаповцы приказали арестованным лечь лицом вниз для того, чтобы лежащих расстрелять. Когда раздались первые выстрелы из автоматов, Дибров Петр Васильевич, Смогарь Гавриил Иванович, Смогарь Григорий Гавриилович, Сиротинцев Иван Трофимович и Силифанов Михаил бросились бежать, что им и удалось, благодаря тому, что рядом с огородом, где проводили гестаповцы расстрел, был лес.

Кончив свое гнусное дело, гестаповцы уехали в гор. Прохладный. На месте злодеяния остались девять трупов: Дибров Василий Андреевич, его сын Дибров Илья Васильевич, Луценко Андрей Васильевич, Чумак Дмитрий Ефимович, Складчиков Тарас Михайлович и 4 трупа, фамилии которых, как указывалось выше, не установлены. Все эти жертвы были похоронены местными жителями на месте злодеяния.

Расстрел указанных в акте ни в чем не повинных советских граждан был произведен по распоряжению начальника германского гестапо капитана Шульц, переводчика гестапо ефрейтора Гиль и следователя гестапо обер-фельдфебеля Лейман Вильгельма.

Следуют подписи.

(„Кабардинская Правда“, 28 декабря 1943 г.)

Разрушители школ

В период существования советской власти наш город украсили красивые трех- и четырехэтажные здания средних школ. В одиннадцати школах Нальчика обучалось 6.800 детей, в них работало 295 учителей.

Школы имели ценное оборудование: физические, химико-биологические, историко-географические кабинеты, хорошо подобранные библиотеки.

Нагло провозгласив на весь мир себя установителями „нового порядка“ в Европе, „носителями культуры и просвещения“, немцы с первых же часов своего прихода начали свою деятельность. Выломав в здании школы № 1 стены первого этажа, они устроили гараж, а остальную часть здания, как и все здания других школ, заняли под казармы. В несколько часов было уничтожено все школьное оборудование. Из окон школы № 6 на тротуар полетели изорванные книги, альбомы, таблицы, физические приборы, макеты. Богатейшие кабинеты школ № 1 и № 5 были разбиты и выброшены в мусорную яму.

В окнах школьных зданий задымили трубы „буржук“, а стены покрылись копотью. На топку шли книги, школьная мебель. Совершенно спокойно фашистский бандит опускал топор на красивый шкаф, парту, пианино, бросал в огонь красивый томик стихов Пушкина. Все 30.000 книг школьных библиотек сожжены. Из 4.500 парт уцелело 600 — 700.

Перед отступлением прикладами винтовок, палками, сапогами они выбивали стекла, рамы. Жители Нальчика с затаенным ужасом смотрели на невиданное варварство. 1 января город потрясли оглушительные взрывы, окутали клубы дыма: это взрывались и сжигались все лучшие здания. Фашистские негодяи взорвали здания школ № 1, 2, 5, 6, 9, сожгли школу № 3, разбомбили школу № 10, по-

луразрушили школу № 7. За период их пребывания не работала ни одна школа. Наша детвора обрекалась гитлеровскими выродками на одичание, а учительство — на безработицу и голод.

А. Крылова.

(„Кабардинская Правда“, 30 января 1943 г.)

Фашистские мракобесы уничтожили библиотеки

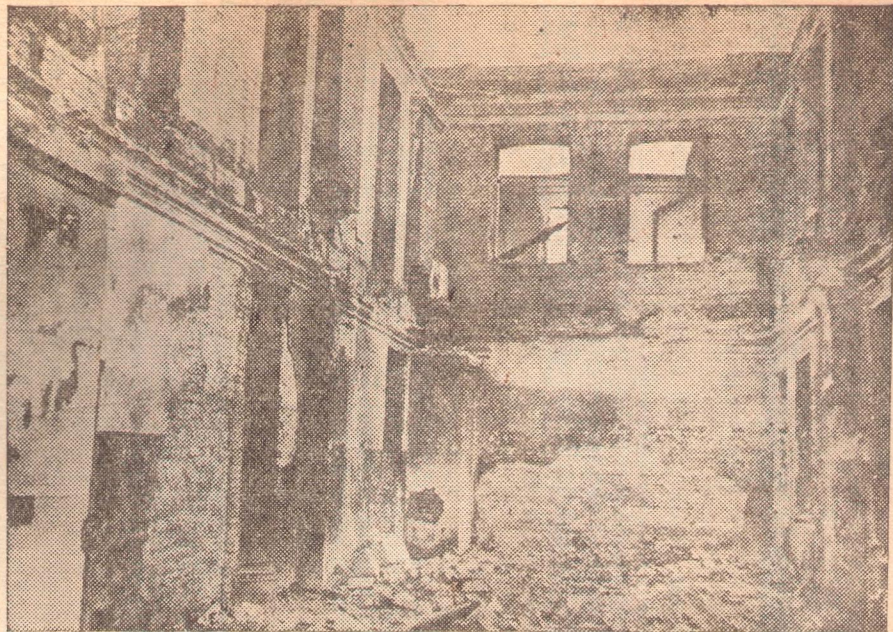
Крупнейшим культурным очагом являлась библиотека им. Крупской. Организованная в 1922 году, она к осени 1942 года насчитывала около 70.000 книг. Особенно богаты были отделы исторический, географический, отдел искусства, справочный. За 20 лет существования библиотеки работниками ее проделана огромная работа по составлению различных каталогов: алфавитных, тематических, топографических и т. д.

Читальный зал библиотеки, обставленный удобной, изящной мебелью, зловонным иллюстративным материалом, привлекал массу читателей. За 1941 год библиотека им. Крупской имела 11 тысяч читателей. При ней был создан богатейший методкабинет, руководивший работой всех городских и районных библиотек. Трудно перечислить все виды общественно-массовой работы, которая проводилась библиотекой.

Ворвавшись в город, фашисты сейчас же приступили к уничтожению всех культурно-просветительных учреждений. Библиотека им. Крупской была опечатана, на ее дверях появилась надпись „Реквизирована“. В течение семи дней в ней хозяйничали гитлеровские мародеры. Перерыв и разбросав все, что с такой любовью и заботой собиралось 20 лет, они ограбили библиотеку, выбрав все, что им было нужно, а именно: книги по экономике Кавказа, военному делу, словари, карты. Редчайшие книги по истории искусств, произведения классиков в дорогих, красивых переплетах издания Академии, альбомы — все было разбросано по полу, затоптано грязными немецкими сапогами. Вся мебель была изрублена и вывезена на топку.

Разгромив библиотеку, фашисты решили использовать

Сожженное здание центральной библиотеки.
Надчик, Кабардинская ул., 11,

ее помещение под казарму. Работникам библиотеки германское командование предложило в двухдневный срок „очистить“ помещение и свалить оставшиеся книги в подвал другого дома. Значительная часть книг, оставшаяся в помещении библиотеки, была использована немецкими солдатами на растопку печей.

Чтобы спасти книги от сырости и дальнейшего расхищения, работники библиотеки стали настойчиво просить новое помещение. Германские правители, разыгравшие роль „носителей цивилизации“, отвели две комнаты в здании театра, в то время как оно уже было намечено к уничтожению. С помощью граждан библиотекари перенесли книги и привели их в порядок, скрыв от фашистов несколько экземпляров истории партии, картотеку по истории партии, альбомы с пластинками докладов товарищей Сталина и Молотова, портреты вождей и писателей.

31 декабря работа была закончена, а 2 января немцы минировали здание с тем, чтобы ночью его взорвать. Работники библиотеки тт. Гуреева, Иноземцев, Турчанинова, Теодорович стали выносить книги из помещения и прятать у себя на квартирах, раздавать на сохранение гражданам. Большую помощь в этой работе оказали граждане Надворная, Ивакина, Захарянц. Удалось спасти около 1.600 книг, в том числе энциклопедию, словари, историю Кабарды. Всего немецкие бандиты уничтожили до 80 процентов книг, принадлежащих библиотеке. Мало того, убегая, они взорвали и сожгли здание центральной библиотеки, превратив его в груды обгоревших развалин.

Так же ограблены и уничтожены немцами и другие библиотеки: пединститута, Дома учителя, парткабинета и т. д.

Следуют подписи работников Кабардинской республиканской библиотеки.

(„Кабардинская Правда“, 27 января 1943 г.)

Дикари и погромщики

За годы советской власти, особенно за последнее десятилетие, в Кабарде вместе с развитием экономики росла и культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Полнокровно развивалось искусство.

Широкие массы из самых отдаленных селений республики полюбили свои театры: советское искусство прочно вошло в быт населения.

Помимо театров в Нальчике работали государственный хор и ансамбль песни и пляски, известные далеко за пределами республики.

Юные дарования обучались в нашей музыкальной школе. Имелось местное отделение союза художников. Республика обладала своей писательской организацией. Два городских и несколько клубных театров ежедневно обслуживали тысячи трудящихся, расширяя их политический и культурный кругозор.

В суровой обстановке Отечественной войны деятельность очагов искусства развернулась еще шире. Бригада театра русской драмы и ансамбль песни и пляски выступали в частях Красной Армии с антифашистскими программами.

В конце октября, после жестокой бомбардировки и упорных боев, в Нальчик ворвались фашисты. Они пришли наглые и самоуверенные. Гитлеровцы принесли с собой режим грабежей и зверского террора. В то же время они лицемерили с населением, нагло именуя себя „освободителями“.

Тупые садисты смели притворяться носителями европейской цивилизации. Они приказали захваченным в городе работникам искусства возобновить работу театра, угрожая за саботаж смертью. Угрозы действовали плохо, работа не шла до тех пор, пока за „налаживание“ театра не взялась

кучка жалких немецких прихлебателей. Эти продажные люди стали организаторами концертов по немецкой указке.

Немецкие кинофильмы, демонстрировавшиеся в „солдатском кино“ (так был переименован немцами кинотеатр), показывали полную идейную опустошенность, творческое бессилие.

Палачи из гестапо, систематически истребляя мирных советских людей, не оставили без внимания и советских артистов. Их первой жертвой стал артист театра русской драмы И. Л. Посадов, хорошо известный жителям Нальчика как исполнитель ряда ведущих ролей: Сталина в пьесах „Человек с ружьем“ и „Кремлевские куранты“, Мотылькова в „Славе“, доктора Туманского в „Машеньке“, Фрола Баева в „Земле“. Много других ярких образов было создано этим талантливым и трудолюбивым актером, настоящим советским патриотом и энтузиастом своего дела. Вслед за т. Посадовым была арестована артистка и помощник режиссера В. А. Светозарова вместе со своим девятилетним сыном. После изгнания немцев за городом были найдены их трупы.

При своем отступлении немцы до конца раскрыли свое истинное отношение к культуре и искусству советского народа. В звериной злобе они взорвали и сожгли все здания, где помещались учреждения искусства. В груды развалин превратили немцы наш драматический театр и кинотеатры. Они предали огню не только здание и театральное оборудование, но также и превосходные картины И. Грабаря, Сварога, Файнберга, проф. Архипова и других крупнейших мастеров живописи.

Таковы злодеяния гитлеровцев — разрушителей культуры.

Работники искусства Кабарды никогда не забудут и не простят немецким извергам их преступлений. Не удалось и никогда не удастся фашистским дикарям уничтожить народное, социалистическое по содержанию, национальное по форме, искусство. Оно служило и будет верно служить советскому народу.

К. Цавкилов.

(„Кабардинская Правда“, 10 апреля 1943 г.)

Как мы на „господ“ работали

(Письмо рабочих маслозавода)

28 октября немцы заняли город, а 1 ноября на заводских воротах висел приказ: „Всем рабочим маслозавода явиться на работу. За неявку — расстрел“. Насильно собрали нас.

„Хозяин“ завода немец Вишлер установил свои порядки: работать посменно, без перерыва. Никаких сверхурочных, никаких больничных.

Шагу не сделаешь, чтобы за тобой не следил хозяйский холуй. Группами собираться не разрешали. Пришел на работу раньше срока — не имеешь даже права поговорить с товарищами.

Обращались, как с собаками, за людей не считали. Подойдет немец в наутюженном мундире и давай насмехаться над нашей спецовкой. Так бы и плюнул ему в морду.

Телесные наказания были в моде. Был такой случай. Зашел конюх Дашков погреться в кочегарку, а там в это время сидел Ганс — жандарм немецкий, поставленный хозяином следить, чтобы „беспорядков“ на заводе не было.

— Не здесь твое место, — заорал он на Дашкова, коверкая русские слова. — Убирайся на конюшню. Смотри, чтобы никто моих кур не украл. — А когда конюх стал возражать, что он, мол, не куриный сторож, немец жестоко избил его прикладом. Сам наворовал кур, сам курятник у конюшни пристроил, а потом боялся, как бы не пропало награбленное добро.

Открыто саботировать мы не решались. Слишком легко было получить пулю в лоб. Однако никогда так часто, как в эти дни, не рвались ремни трансмиссии, никогда такой низкой выработки не давала прессовщица Смирнова, вырабатывавшая раньше до 3.500 килограммов масла при норме 2.400 килограммов, в эти дни она давала 300 — 400 килограммов! Норма жаровщика — 5 тонн масла. Тов. Ко-

лоушин давал, бывало, по 8 тонн. При немцах его выработка упала до 1,5 — 2 тонн. Так же поступали и другие рабочие.

Слесаря - котельщика тов. Куличенко послали вальцевать трубы. Он долго возился с котлом, потом разрубил зубилом трубу в таком месте, где трудно было обнаружить повреждение, и заявил, что ремонт требуется долгий. Опять простой.

Недовольны были немецкие хозяева нашей работой, но придаться особенно не к чему. Решили пустить в ход розги. В комнату, где жандарм помещался, привезли их. Но не успели розги побывать на нашей спине. Пули и штыки советских бойцов быстрее попали в животы немецких захватчиков.

Теперь мы снова свободны.

Снова будем работать по-стахановски. Трудимся теперь не на немецких господ, а на себя, на свое родное советское государство.

Рабочие маслозавода: *Шевелев Н. Ф.,
Куличенко В. Ф.,
Колоушин Л. П.,
Смирнова М. И. и др.*

(„Кабардинская Правда“, 19 февраля 1943 г.)

Разрушенная столица

Бурно рос и расцветал в годы советской власти Нальчик. Бывшая в царское время слобода, утопавшая в грязи и бескультурии, неузнаваемо преобразилась за 2—2,5 десятка лет. Огромное строительство за годы сталинских пятилеток совершенно изменило лицо Нальчика. Протянулись новые улицы, оделись асфальтом старые. Поднялись ввысь десятки зданий, построенных по последнему слову архитектуры.

Там, где до революции были пустыри, вырос промышленный городок с целым рядом мощных предприятий: мясокомбинат, элеватор, кондитерский и мельничный комбинаты, маслособойный, гидротурбинный заводы... Они были оборудованы машинами новейшего типа.

Широкое строительство культурных учреждений удовлетворяло растущие потребности трудящихся масс. До Октябрьской революции во всей Кабарде было лишь 13 начальных школ. К своему 20-летию только столица республики насчитывала 10 средних школ, 1 начальную, 6 средних специальных учебных заведений, сельскохозяйственный техникум, 2 педагогических вуза. В них выращивались собственные молодые кадры, которые боролись за счастье и процветание Родины.

Драматический театр, кинотеатры, 10 клубов, несколько библиотек и много других очагов культуры украсили город.

Кинотеатр, изящное произведение архитектурного искусства, вырос в эти годы замечательного расцвета города. Две танцующие фигуры в национальных костюмах—эмблема радости и счастья освобожденных народов Кавказа—увенчивают полукруглые колоннады, украшающие фасад здания.

Дворец пионеров был истинным очагом воспитания детей. В музыкальной школе воспитывались молодые таланты. Дети колхозников и рабочих становились пианистами, скрипачами, певцами. В годы царизма народы Кабарды были со-

вершенно лишены медицинской помощи. Тиф, оспа, малярия, зоб губили население. Сеть лечебных заведений, санаториев, домов отдыха покрыла в последние десятилетия город и его окрестности. Несколько корпусов больницы, поликлиника, малярийная и зубная станции выстроены для обслуживания населения. Курортное строительство широко развернулось как в самом городе, так и в его предместье — Долинске.

Нальчик рос и расцветал буквально на глазах. Много миллионов рублей было вложено в жилищное строительство. Жилые дома для медицинских работников, для советских специалистов украсили город и обновили быт советских интеллигентов.

Баксангэс питала город электроэнергией, давала жизнь предприятиям, заливала светом жилища, школы, театры, учреждения, улицы и парки. Телефонная сеть густо оплетала республику. От самых отдаленных селений тянулись нити к сердцу республики.

Велики достижения кавказских народов, и одно из блестящих доказательств этих завоеваний представляет культурный и благоустроенный Нальчик, каким он был до немецкой оккупации.

* * *

65 дней хозяйничали немцы в Нальчике. Очевидцы мрачных картин разрушения города никогда не забудут этих страшных дней.

...Город в огне. Дымная пелена нависла над домами. В лучшие здания города кровавой рукой бандитов заложены мины. Они ежеминутно рвутся, сотрясая воздух гулками раскатами.

Светлое здание кинотеатра уже не существует. Из окон полыхает пламя, черные клубы дыма стелются над крышей. Рушатся стены, и на месте очага культуры — груда развалин. Объят огнем дом Наркомзема. Зловещий шелест горящих балок прорезает наступившую на минуту тишину. Огненные языки лижут стены, разъедают стропила.

Горит гостиница „Интурист“, больница, поликлиника, здание горсовета, Дом учителя. С окраины города доносятся глухие взрывы, к небу поднимаются густые облака дыма. 1, 4, 6-я и другие школы, элеватор, заводы — все взлетает в воздух. Ежеминутно раздаются взрывы, рушатся все новые и новые здания.

...Вот вышибала в длиннополой немецкой шинели кувалдой на длинной ручке выбивает оконные стекла. Из окна гостиницы „Интурист“ высовывается наглая красная рожа. Торжествующая и довольная, она выбрасывает с третьего этажа посуду, мебель. В библиотеке гитлеровские молодчики с остервенением колют штыками диваны, ломают стулья, шкафы.

...За городом уже слышны потрескивание пулемета, выстрелы автоматов. Бегут последние машины, увозят объятых паникой отступающих немцев.

Бригада взрывников задержалась. Эти могильщики не могут насытиться своим мерзким делом. Трясущимися руками они протягивают шнуры, закладывают мины и бегут, бегут без оглядки.

На город спускается ночь. Дымную мглу разрывает пламя. Шелест и свист безумствующего огня нарушают тишину ночи. Слышна недалекая артиллерийская канонада.

* * *

Колоссальные убытки нанесли хозяйству города фашистские звери. Промгородок при уходе немцев был превращен в развалины. Подорваны здания и сооружения, уничтожено оборудование и машины, сожжено имущество, остались одни камни от корпусов маслозавода, пивзавода, от построек завода № 4, мельничного комбината. Пожар уничтожил все, что находилось в корпусе мельницы, превратив оборудование в железные слитки. Устояли кирпичные стены элеватора, но внутри все погибло.

Ни одной школы не обошла рука бандита. Все девять средних школ, находящихся в городе, взорваны, исковерканы, сожжены вместе с имуществом.

Около вокзала расположилось новое четырехэтажное здание школы № 1. Сколько под ее кровом подготовилось к созидательной жизни радостной советской детворы. Теперь она стоит разрушенная, с обвалившимися стенами. Таковую же печальную картину представляют и другие школы.

Взорвана и сгорела библиотека, стоят одни кирпичные стены. Весь же книжный фонд, который накапливался в течение многих лет, погиб в огне. Не осталось камня на камне от дома радиокомитета.

Чудесные дачи, окруженные зелеными садами, дома отдыха, оранжереи—и здесь прах и разрушение оставили после себя немцы.

Остатки здания Дома учителя, взорванного и сожженного немцами.
г. Нальчик, ул. Горького, 8.

Сгорел госдрамтеатр, сгорел без возможности его восстановления. Погибли художественные ценности, картины и скульптурные произведения заслуженных мастеров искусства: Сварога, Файнберга, профессоров Грабаря, Павлова, Чернышева и др. Богатая библиотека по истории искусств в 8500 книг, 16 роялей и пианино уничтожены преступными поджигателями.

Кому довелось хоть раз побывать в Нальчике до войны, тот не может не помнить нарядного вокзала, утопавшего в зелени и цветах. Кристальный воздух, свежесть и чистота наполняли чувством радости приезжавшего.

Бойцы вошли в город и на этом чудесном месте увидели бесформенную груду камней.

Баксанская улица, проложенная в годы советской власти, с четырехэтажными домами нового строительства, исковеркана, разбита. Светлые большие здания Управления связи, Госиздательства, Госбанка преданы огню, в котором погибло оборудование и машины телеграфа, телефона, печатные, наборные и другие машины цехов типографии. Весь квартал представляет собой унылое кладбище.

117 лучших зданий города изувечили гнусные варвары. Разрушенные, еще так недавно полные жизни, эти дома черными впадинами слепых окон говорят о жутких преступлениях, зовут к отмщению за мрачные злодеяния фашистов.

Без чувства омерзения, гнева и ненависти нельзя думать о современных варварах, злейших врагах всего человечества — немецких фашистах.

С. Попова.

(„Кабардинская Правда“, 18 марта 1943 г.)

К ответу гитлеровских мерзавцев!

Гитлеровские бандиты, ворвавшись в 1942 году на Кавказ, а затем в пределы Кабардинской АССР, за время кратковременного хозяйничания на ее территории нанесли огромный ущерб народному хозяйству нашей республики.

Устанавливая „новый порядок“, немецкие оккупанты хотели отнять у кабардинского народа то, что ему дала Великая Октябрьская революция. Они хотели вернуть его к той жизни, полной лишений, мук и страданий, какую испытывали кабардинцы в прошлом.

Немецкие оккупанты подвергали неслыханным издевательствам кабардинский народ, уничтожили плоды многолетнего его труда, убили многих его лучших сынов и дочерей. Действуя по заранее разработанному плану, выполняя приказы гитлеровского военного командования, немецкие захватчики превратили в развалины города и селения Кабардинской АССР, разрушили, взорвали предприятия, разорили общественное хозяйство, уничтожили культурные и исторические ценности.

Полностью были разрушены Тырны-Аузский комбинат, Докшукинский спиртзавод, Баксангэс, элеватор и другие предприятия. В республике не осталось ни одного предприятия, которое в той или иной степени не пострадало от немецких оккупантов.

По приказу военного коменданта майора Шифман и офицеров промышленного отдела „Викадо“ Фейлара, Шумана, Адемира были разграблены а потом взорваны и сожжены промышленные предприятия: гидротурбинный завод, швейная фабрика № 1, железнодорожная станция и т. д.

В гор. Прохладном сожжены и взорваны мотороремонтный завод, маслозавод и другие предприятия.

Огромный ущерб нанесли немецкие бандиты сельскому хозяйству Кабардинской АССР.

Колхозы и совхозы республики, имевшие в достаточном количестве сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, богатые фермы, были подвергнуты немецкими захватчиками ограблению и разрушению. Как саранча, набросились гитлеровские мерзавцы на колхозное добро, много продуктов сельского хозяйства было поедено, много было отправлено в Германию, многое было разбито и разрушено.

Колхоз им. Андреева сел. Кенже, Нальчикского района, был миллионером. Колхоз имел богатые фермы, много скота, богатые постройки. За короткий срок немцы съели много скота, то, что не успели поестъ, угнали с собой, колхозные здания разрушили, сожгли. После того, как части Красной Армии прогнали нацистских выродков, из 1076 голов крупного рогатого скота в колхозе осталось только 334, из 8600 овец съедено и угнано 8055, 200 пчелосемей было уничтожено полностью.

В колхозе была замечательная конеферма, на которой находилось 1125 лошадей. Только 83 лошади удалось отбить у гитлеровских мерзавцев.

Ни одного колхозного здания не осталось целым. Разрушены помещения для скота, конюшни, сарай, детский сад, полевой дом, кирпичный завод, мельница, кузница, бригадные дворы, родильный дом, сельпо, здание сельского совета, правление колхоза, баня, осеменительный пункт.

По приказу военного коменданта Майера и коменданта по сельскому хозяйству Песлер колхозу „Красный Флот“ нанесен ущерб в сумме 13.375.900 рублей.

Колхозу „Дженал“ сел. Каменномоостского, Нагорного района, нанесен ущерб на 20.821.057 рублей.

Общий ущерб, нанесенный немцами колхозам республики, составляет 1.428.110.600 рублей, в том числе потери животноводства выражаются в сумме 432.498.400 рублей.

Лишь здания двух МТС из 16 уцелели, а из 1039 тракторов большинство оказались разрушенными, остальные увезенными, ни одного исправного трактора не осталось. Не осталось также ни одного комбайна, которых до оккупации в республике насчитывалось 309. Немцы безжалостно уничтожали и другой колхозный сельскохозяйственный инвентарь, причинив убытки в этой части на 31.073.000 рублей.

Устанавливая в Кабарде „новый порядок“, гитлеровцы

хотели уничтожить национальную культуру, предавая разграблению, разрушению и уничтожению здания культуры и искусства Кабардинской АССР.

В республике до оккупации было 227 школ, большинство из них находилось в прекрасных светлых просторных зданиях, выстроенных в годы сталинских пятилеток. Только 11 школ уцелели, а 216 школьных зданий или уничтожены совсем или пострадали от взрывов.

Новое, хорошо оборудованное здание школы в сел. Ерокко, Лескенского района, немецкие варвары превратили в кухню, богатое оборудование школы пошло на топливо.

Разрушены драмтеатр, кинотеатры и другие культурно-просветительные учреждения.

Организованная в 1922 году библиотека им. Крупской к осени 1942 года насчитывала около 70.000 книг. В 1941 году книгами этой библиотеки пользовались 11 тысяч читателей. Фашистские мракобесы сначала ограбили библиотеку, отправив в Германию книги по экономике Кавказа, военному делу, словари, карты, а затем уничтожили ее оборудование. Оставшиеся книги сожгли. Таким образом, было уничтожено до 80% книг, и лишь 1600 книг удалось спасти работникам библиотеки.

Всего уничтожено в республике 10 городских и 16 районных библиотек с книжным фондом около 400.000 книг.

Носители „цивилизации“ ограбили Кабардинский музей, педагогический институт, отправив в Германию все лучшие исторические ценности культуры и искусства, находившиеся там.

Большой ущерб причинен гражданам Кабарды, их личному хозяйству. За время оккупации в нашей республике пострадало 18.776 хозяйств. В эту цифру входят только те хозяйства, которые составили соответствующие акты об ущербе. Немало в нашей республике и таких семей, которые не оформили все свои убытки и ущерб, понесенные за время пребывания немцев на территории Кабарды.

Вот несколько фактов грабежа отдельных граждан нашей республики.

В сел. Нижний Курп, Терского района, проживает гражданка Малиханова Х. М. К ней явились немецкие солдаты и забрали у нее все домашние вещи и обстановку ее комнат. Не удовлетворившись этим, они еще несколько раз приходили во двор ее дома и „охотились“ за домашней птицей, пристреливая из автоматов кур и гусей. Так продолжалось до тех пор, пока они не переловили и не

перестреляли всю домашнюю птицу, принадлежащую этой гражданке. Тов. Малиханова лишилась всего имущества общей стоимостью в 107.400 рублей.

В станице Солдатской, Прохладненского района, группа немецких солдат потребовала от гр. Семененко О. Н. зажарить гуся. Советская патриотка категорически отказалась выполнить их распоряжение. Тогда немецкие бандиты угрозили оружием, переловили всех ее кур, гусей и унесли с собой.

Трагический случай произошел в селении Озрек, Лескенского района. 14 декабря 1942 года немецкий офицер с двумя шоферами заехал на машине во двор 70-летней колхозницы Екаевой Л. К. Во дворе ходили куры. Не спрашивая разрешения хозяйки, они начали ловить их. Старуха, увидевшая немецких грабителей, возразила против их незаконных действий. Она встала на защиту своего собственного добра.

Тогда по приказанию офицера шоферы облили старуху бензином, а офицер поджег ее одежду своей зажигалкой. Забрав 30 кур, немцы уехали.

Гражданка Екаева получила тяжелые ожоги, в течение семи месяцев лежала в больнице, а затем умерла.

В сел. Баксаненок, Баксанского района, 4 сентября 1942 года 58-летний колхозник Абрегов Х. С. загонял своих овец во двор. Увидев его, немцы потребовали дать им барана. Абрегов отказался. Тогда немецкий автоматчик выстрелил в него и тяжело ранил. Немецкие солдаты бросили Абрегова в силосную яму, где он без воды и пищи пролежал двое суток, а затем был убит немцами.

Таких примеров грабежа и убийств очень много.

Немецкие оккупанты не только отбирали у населения имущество, они брали с него всевозможные налоги, в том числе налоги с безработных. Как показали подсчеты, налоги, штрафы и контрибуции, уплаченные населением оккупационным властям, выражаются в сумме 1.878.429 рублей.

Для грабежа немцы использовали всевозможные методы. В частности, под видом празднования религиозного мусульманского праздника „курман-байрам“ немцы обязали население приготовить немецким властям кур, гусей, уток, бурки, черкески, деньги и т. д. Они насильно собрали к этому празднику большое количество вещей и продуктов.

Трудно перечислить все виды и способы, при помощи которых немецкие оккупанты производили разрушения и грабежи населения Кабарды. Всего немцами разрушено, раз-

граблено и уничтожено 220.303 кубических метра жилых зданий и надворных построек, уведено и съедено 4.411 голов крупного рогатого скота, 2.941 голова молодняка крупного рогатого скота, 2.530 свиней, 11.566 овец и коз, 242.576 голов разной птицы, 1.062 пчелосемьи, уничтожено 4.569 фруктовых деревьев, забрано 41.465 центнеров зерна, 6.119,9 центнера муки, 21.912,3 центнера картофеля и овощей, 7.938,24 центнера прочих продуктов и огромное количество ценных вещей.

Заработки и доходы, потерянные членами семей из-за смерти кормильцев, убитых немецко-фашистскими захватчиками, составляют 18.971.002 руб.

Заработки и доходы, потерянные гражданами республики из-за невозможности заниматься своей профессией, составляют 5.048.116 рублей.

Общий ущерб, причиненный гражданам Кабардинской АССР немецко-фашистскими захватчиками, определен в сумме 646.682.109 рублей. Особенно сильно пострадали от немецких оккупантов трудящиеся Терского, Нальчикского, Прималкинского и Баксанского районов.

Ущерб, причиненный гражданам Терского района, выражается в сумме 147.330.826 рублей. В этом районе разрушено и повреждено 41.000 кубометров жилых домов и надворных построек, разграблено и изъято 1.681 голова крупного рогатого скота, 1959 овец, 73.667 голов разной птицы, 12.604 центнера разных продуктов сельского хозяйства.

Ущерб, нанесенный немецкими извергами гражданам города Нальчика — 21.346.675 рублей.

В результате ограбления мирного населения нашей республики немецко-фашистскими захватчиками, многие граждане Кабарды остались без крова, без одежды, без всяких средств к существованию. Только благодаря тому, что части Красной Армии быстро изгнали немецких бандитов с территории Кабарды, многие граждане республики спаслись от неминуемой гибели.

Гитлеровская Германия разгромлена. Красная Армия вынудила фашистские орды к безоговорочной капитуляции. Знамя победы реет над нашей Родиной.

Народы Кабарды никогда не забудут и не простят немецким захватчикам тех преступлений и злодеяний, издевательств и насилий, грабежей и разрушений, которые чинили они над советскими гражданами. Подлые грабители и кровопийцы будут стерты с лица земли.

Л. Кубряшов.

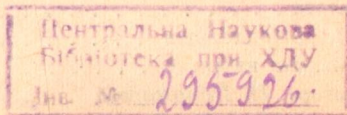
СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
Выписка из протокола № 12 заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и при- чиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учрежде- ниям СССР от 8 сентября 1943 года	4
„Новый порядок“ немецко-фашистских захватчиков в период вре- менной оккупации Кабардинской АССР. <i>Б. Кабалоев</i>	6
Немец-бандит	20
Банда убийц и грабителей. <i>К. Цавкилов</i>	21
Не забудем, не простим! <i>Н. Евгажуков, К. Цавкилов</i>	25
Зверь-убийца	28
Зверства немцев в Майском районе. <i>Ф. Сумец</i>	30
Шура Козуб. <i>А. Крылова</i>	32
Они зовут к мести. <i>Е. Доброхотова</i>	35
Будьте прокляты, немецкие изверги!	38
В фашистском концлагере. <i>Н. Пономарева</i>	41
Жертвы фашистского террора. <i>М. Дзюба</i>	43
Немцы ответят за свои преступления. <i>К. Цавкилов</i>	45
Зверства, зовущие к мести. <i>Б. Кабалоев</i>	50
Лагерь смерти	54
Убийцы детей. <i>К. Гришина</i>	56
Зверства немцев в Нальчике	59
На минном поле. <i>К. Гришина</i>	62
Карательный отряд гестаповцев в селе Пролетарском	65
Разрушители школ. <i>А. Крылова</i>	67
Фашистские мракобесы уничтожили библиотеки	69

Дикари и погромщики. <i>К. Цавкилов</i>	72
Как мы на „господ“ работали	74
Разрушенная столица. <i>С. Попова</i>	76
К ответу гитлеровских мерзавцев! <i>Л. Кудряшов</i>	81

Ответственный редактор *К. Х. Цавкилов*.

Подписано к печати 25-VI 1945 г. 400303. Тираж 4000.
Объем 5,5 печ. л. (36.200 зн. в печ. л.) Заказ № 414.

Типография им. Революции 1905 г. Кабгосиздата.
Нальчик, Баксанская, 6.

